

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ: ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

«Неоконсервативная волна» в современной России: фаза очередного цикла или стабильное состояние?

Л.Г. БЫЗОВ

За политической и социальной стабилизацией, характерной для последнего десятилетия, стоит в первую очередь существенный ценностный сдвиг общества. Социокультурная природа этого сдвига двойственна: с одной стороны, он носит консервативный характер возврата к вековым традициям и архетипам, с другой – отражает процесс быстрой социальной модернизации образа жизни, ценностей и запросов россиян, свойственных современному городскому обществу массового потребления. Современный российский неоконсерватизм – это альтернатива не только либеральным, но и консервативным ценностям, это процесс формирования устойчивого порядка в обществе, где традиционные ценности и институты уже не могут быть жизнеспособными. Социальным ядром неоконсервативного синтеза выступают адаптивные слои россиян, по многим параметрам соответствующие новому среднему классу. За последние 7–8 лет из относительно малочисленной группа неоконсерваторов превратилась в доминирующую, определяющую и вектор развития страны, и особенности трансформации российской политической системы. В России сформировалась и неоконсервативная идеология, в той или иной степени разделяемая всеми ведущими социальными группами. Она представляет собой синтез левых (левогосударственнических) и правых (правогосударственнических) идеологий, в центре которого находятся идеи сильного государства, порядка, социальной справедливости. Вокруг неоконсервативных идеологов образовался своего рода идейный консенсус, прочность которого не смог поколебать даже экономический кризис. В то же время национальное самосознание неоконсерваторов, их идентичность остаются противоречивыми, процесс формирования современной «политической нации» еще далек от своего завершения. Несмотря на идейную консолидацию, не сформированы адекватные институты, способные связать разорванный и атомизированный российский социум.

Ключевые слова: неоконсерватизм, попытка формирования современной российской нации, национальная модель демократии

Неоконсерватизм как социально-политическое явление

Ментальность и ценностные установки нынешней генерации россиян в последние годы формируются под воздействием двух тенденций, зачастую противоречащих друг другу. С одной стороны, для современного российского общества характерно усиление консервативных тенденций как в менталитете и настроениях ведущих групп общества, так и в трансформации политической системы. С дру-

гой стороны, по очень многим своим характеристикам российское общество все сильнее отдаляется от традиционной культуры и традиционных ценностей. Если можно так выразиться, движение идет как бы по спирали, когда, приближаясь в чем-то к ранее прошедшей фазе, мы одновременно необратимо от нее отдаляемся. Проступающие в нашем сегодняшнем менталитете вековые архетипы сочетаются с окончательным и бесповоротным разрушением традиционного уклада жизни.

Еще в период с 1998-го по 2000 г. в России стали складываться социокультурные предпосылки для существенной трансформации общественных отношений, сформировавшихся в 1990-е годы. Активно же реализовываться они стали в последующем десятилетии. После периода «революционной смуты» в умах массовое сознание продолжало возвращаться в свое «спокойное», традиционное для большей части российской истории состояние политической апатии и безальтернативности. На смену ценностному расколу 1990-х годов сформировался своего рода неоконсервативный «ценностный консенсус», социокультурный феномен, когда по целому ряду ключевых вопросов общественного бытия было достигнуто согласие большей части общества, основанное на синтезе самых разных идеологем, ранее казавшихся взаимоисключающими. Неоконсервативный синтез охватил буквально все социальные группы. Нынешняя власть, со своей стороны, также предлагает людям этот синтез. И то, что мы называем доминантной политической системой, — это в значительной степени ответ на соответствующий запрос общества.

Скорее всего, завершается большой трансформационный цикл, начавшийся даже не в конце 1980-х годов, а значительно раньше, в период существенных изменений ценностных установок советского общества — еще в 1960-е и особенно в 1970-е годы. Именно тогда сформировался запрос со стороны средних слоев советского общества и советской элиты на формирование в России массового потребительского общества на основе индивидуализации системы ценностей. Тогда же этот запрос разрушил советский традиционализм, впоследствии он спровоцировал кризис через острую революционную фазу и вот уже более десяти лет находится в консервативной фазе, породив явление неоконсерватизма.

Сегодня важно понять, каковы перспективы этой ценностной и социокультурной эволюции, какой тип общества может возникнуть в итоге и, соответственно, каковы качественные составляющие «нового консерватизма», какие социокультурные и политические реалии несет нам этот магистральный на сегодняшний день общественный запрос. Пока не ясно, когда возникнет и возникнет ли в обозримой перспективе новая фаза трансформации, когда общество разогрется и вновь потянется к переменам. Нынешний экономический кризис, от которого многие ожидали значительных перемен как в настроениях общества, так и в политической системе, пока этих ожиданий не оправдывает. С другой стороны, сегодня наблюдается бифуркационная точка трансформации, когда установки на «стабильность любой ценой» постепенно сменяются установками на перемены. Общество отдохнуло, накопило силы для нового трансформационного витка. Одновременно остается великой и сила инерции стабильности, причем она продолжает доминировать в наиболее значимых группах общества, примыкающих к среднему классу.

Как показывают многие социологические исследования, в качестве самой важной, актуальной выделяется такая триада ценностей, как порядок, справедливость

и стабильность. Далее с определенным отрывом идет свобода. При этом к базовым ценностям порядка, справедливости и стабильности тяготеют практически все группы, в том числе и электораты всех основных политических партий, различия между которыми с точки зрения их идеологии становятся все менее выраженными [Львов 2007]. Политические ценности, в том числе такие, как ценности демократии, отошли на задний план, причем нельзя сказать, что общество их отрицает. Теоретически оно выступает за демократию – за выборы, за политически свободные СМИ (цензуру, правда, хотят вводить, но не политическую, а нравственную), за свободу передвижений, против вмешательства государства в частную жизнь. Но актуальность демократических ценностей снижена, это сегодня ценности второго, третьего, четвертого порядка.

С другой стороны, несмотря на видимое усиление консерватизма, общество довольно быстро модернизируется. Если социальные, политические, идеологические противоречия 1990-х годов в огромной степени исходили из сохранившихся реликтов, наличия традиционных сегментов общества, в том числе «законсервированных» позднесоветским строем с его невысокой социальной динамикой, то за последнее десятилетие эти сегменты практически размылись. Современное российское общество заметно унифицировалось, процессы скопления населения в мегаполисах, унификации образа жизни, адаптации к рыночным реформам идут достаточно быстро. Доля неадаптировавшейся части населения за эти десять лет сократилась до 10–12%. И отнюдь не эта группа общества сегодня диктует моду на неоконсерватизм. Современное поколение неоконсерваторов имеет совершенно другую социальную базу, отличную от той, которая была у консерваторов 1990-х годов, в основном голосовавших за КПРФ, ставшую носителем, ядром сохранения этих традиционных, частично переваренных советской системой ценностей. Сегодня носителем консервативных ценностей, ценностей порядка и стабильности является средний класс и примыкающие к нему снизу социальные группы, стремящиеся интегрироваться в его состав.

Таким образом, для современного российского общества ценностный кризис перестает быть актуальным. Общество становится все более ценностно однородным, несмотря на явное социальное расслоение, которое обычно ставится в центр внимания. Что же касается кризиса политической системы, точнее не кризиса, а ее недостаточно высокой эффективности, пока не переросшей в настоящий кризис, то она имеет скорее институциональную, нежели ценностную природу. В условиях неоконсервативной волны реальная многопартийность не может стать магистральным путем развития российской демократии, а политическая система просто обречена на наличие большой и аморфной партии власти и нескольких менее влиятельных партий «на периферии». При этом процесс принятия решений еще долго будет происходить за кулисами партии власти. Сбивание общества в кучу, отказ от поддержки оппозиции, причем не только со стороны власти, но и со стороны общества, – все это отражение неоконсервативной фазы. Уже со второй половины 1990-х годов запрос общества стал связываться исключительно с властью, причем даже тех его сегментов, которые этой властью недовольны. Модель демократии 1990-х годов в массовом сознании противостоит идее порядка, главной для нынешней генерации россиян. По-

этому демократические силы в значительной своей части оказались выброшены на политическую обочину. Реанимация демократии возможна лишь тогда, когда возникнет соответствующий запрос со стороны автохтонных сегментов российского среднего класса.

В то же время есть много «но», не позволяющих говорить о том, что социокультурная трансформация достигла устойчивого на длительную перспективу состояния, что сформирован новый национальный порядок. Путинская стабильность кажется довольно обманчивой и зыбкой. Так, по-прежнему наблюдается огромный разрыв между системой парадных и системой реальных ценностей, мотивирующих трудовую и социальную активность. На уровне парадных ценностей общество стремится к новому единству, оно очень патриотично, оно собирается «в кучу» вокруг национальных интересов, вокруг государства, вокруг образа будущего. Во всех опросах, связанных с поисками новой национальной идеи, на первое место выходит идея возрождения России как великой державы.

С другой стороны, в своей реальной жизни постсоветский гражданин ничем не готов поступиться – даже самым малым, не говоря уж о том, чтобы проливать кровь за «великую Россию». Консервативные ценности во многом повисают в воздухе и остаются не более чем парадными декларациями. Современное российское общество, как и общество 1990-х годов, антимобилизационно, оно поддерживает власть ровно до того момента, пока та только рассуждает о величии и не требует от граждан никаких активных действий. В то же время стремление общества к национальному единству, запрос на формирование дееспособной нации, безусловно, существуют. Это некий идеал, который пока только греет, но не мотивирует. Это стремление сформировать современную российскую нацию, поиск ее базового смысла, но оно сопряжено с большими сложностями и проблемами. Параллельно с декларативной попыткой сплочения людей в дееспособную политическую нацию в качестве контртенденции продолжает происходить социальный и национальный распад. Увеличение роли национального этнического фактора, русского фактора и других быстро растущих национальных идентичностей является во многом компенсацией за пробуксовку, неспособность современного российского общества превратиться в нацию на уровне институтов. Фактор русской этничности необходимо рассматривать, на наш взгляд, именно как компенсационный. Если не удастся сплотиться во что-то большое, давайте сплотимся во что-то хотя бы небольшое. Это лучше, чем ничего. И «кровь» зачастую оказывается самым простым и понятным фактором сплочения.

Одновременно при всей видимой безальтернативности российской политики новый порядок, который устроил бы представителей основных слоев российского общества, в особенности порожденных последним витком трансформационного процесса, еще не создан. При этом проблема его отсутствия переживается обществом в последние годы все более остро. Мечта о порядке, когда под словом «порядок» понимается отнюдь не установление репрессивного режима и «закручивание гаек», а формирование общественного строя, признаваемого большинством общества справедливым и эффективным, все еще остается далекой от своего воплощения. Несмотря на общую социально-политическую стабильность в стране, по данным ВЦИОМ, в 2008 г. только 17,1% населения, то есть абсолютное мень-

шинство, признавали справедливость и эффективность нынешнего социально-политического строя.

Восстановление традиционного уклада жизни, многодетных семей, русско-го коллективизма, являющегося своего рода экспортным брендом «русского характера», патриархального быта в целом не имеет своих значимых социальных носителей. Современная генерация россиян – в основном жителей, представляющих городской универсальный, унифицированный образ жизни, – очень далека от глубинных российских корней. Наоборот, неоконсерватизм – это альтернатива не только либеральным, но и консервативным ценностям, это процесс формирования устойчивого порядка в обществе, где традиционные ценности и институты уже не могут быть жизнеспособными. В этой связи необходимо более детально рассмотреть важнейшие социокультурные характеристики неоконсервативного типа сознания современных россиян.

Идеологические и политические ценности неоконсерватизма

На место раскола общества по идейно-политическим основаниям, определявшего вектор политических трансформаций в первой половине 1990-х годов, в конце того же десятилетия пришел идейно-политический и ценностный синтез. В последующие годы он постепенно стал основой метаидеологии, обрел социальный фундамент в виде нового среднего класса, отражающего стабилизацию социальной структуры общества, получил определенное теоретическое обоснование со стороны властей (концепция суверенной демократии) и даже обрел черты официальной идеологии. Внешне оставаясь эклектичным набором зачастую противоречащих друг другу идеологем, идейно-политический синтез стал постепенно обретать и некую внутреннюю целостность.

Что же стоит за новым идейным и ценностным консенсусом? Для объяснения подобного феномена политологи ссылаются на феномен синкретизма, слабой расчлененности массового сознания. Множественность парадигм воспринимается на уровне глубинных архетипов как болезненное состояние, раскол, предчувствие гражданской войны. Люди голосуют за «единство», даже наступая на горло собственным взглядам и симпатиям, ориентируются на власть, объединяющую общество, реализующую общенациональную субъектность. Тяга к единению сыграла значительную роль в дискредитации политической оппозиции, несмотря на то что на уровне заявлений и деклараций она вызывала согласие. Общество смирилось и даже поддержало меры по построению административной вертикали, включая отмену прямых выборов глав субъектов федерации, одновременно осознавая, что эти меры лишают граждан части их прав на волеизъявление. В сегодняшней России нет и не предвидится серьезных партий интересов, которые бы в соответствии с требованиями классической политологии отражали и защищали интересы отдельных групп общества. Если такие партии и появляются, то они скорее имитируют свои социальные корни и соответствующие им социально-экономические парадигмы.

В то же время вопрос, является ли тяга к единению характерной чертой именно путинского этапа, определявшего жизнь России в 2000–2008 гг., или же это возвращение к имманентно присущим россиянам глубинным нацио-

нальным архетипам и, соответственно, особая черта, отличающая российскую политическую модель от европейской, остается предметом дискуссий среди политологов и историков. На наш взгляд, более обоснованной является первая точка зрения, согласно которой феномен объединения общества вокруг партии власти не является проявлением вековой русской соборности, сопряжен одновременно с безразличием, общественно-политической пассивностью и носит во многом формальный характер. Синкретизм массового сознания, когда на уровне подсознания каждый гражданин воспринимает себя скорее частью целого, чем самостоятельным субъектом, вступает в противоречие с другими данными, свидетельствующими о глубокой индивидуализации общественного бытия современных россиян, их нежелании и неспособности выстраивать социальные связи и проявлять солидаризм.

Именно из-за внешней эклектичности метаидеологии многие видные исследователи российского общества вообще отказывают последней в праве на существование. На уровне массового сознания они видят в ней только «кашу в головах», а на уровне политики – только популизм, стремление подыграть массовым настроениям и ничего не делать, ничего не менять. Эту точку зрения ярко отразил Д. Фурман: «Если попытаться по разным речам, высказываниям и действиям вычленить идеологию Путина – ничего не получится. Перечисление противоречий и курьезов можно продолжать до бесконечности. Получается какая-то “каша”, набор противоречащих друг другу и гасящих друг друга представлений. Эта “каша” не может дать мотивации ни для какой ясной политики. Эта “каша” – не личная “каша” сознания нашего бывшего президента, а теперь премьера. Это “каша” нашего массового сознания» [Фурман 2008]. Однако это лишь один взгляд, бесспорно, имеющий право на существование. Но нельзя не признать и того, что эта эклектичная квазиидеология вполне устраивает большую часть общества.

По данным ИС РАН и ВЦИОМ, противостояние идеологических полюсов по своей силе значительно уступает противостоянию богатых и бедных, чиновников и обычных граждан, жителей мегаполисов и жителей провинциальных городов, населения различных регионов страны. Основной ценностный вектор, связываемый с понятиями «порядок» и «справедливость», разделяется практически всеми группами нашего общества. Сдвиг общества влево сочетается с ростом интереса к российской почве, социальной и исторической органике, одновременно растет и этническая составляющая российского национального сознания. Вектор поиска общенациональной идеологии на сегодняшний день направлен в сторону идей сильного, социально ориентированного государства (государственного социализма) и патриотического внешнеполитического курса страны.

Является ли сам феномен консенсуса вокруг подобной системы ценностей свидетельством краха российского либерализма, как это принято сегодня утверждать? Если речь идет о доктринальном либерализме, то, вероятно, это так. Но либерализм в российском варианте носит не доктринальный характер, так же как, впрочем, и коммунизм в 1920-е и 1930-е годы строился отнюдь не по марксистским схемам. И сегодня российский либерализм – это в первую очередь не теория, а образ жизни современного горожанина, жителя мегаполиса, с разорванными социальными связями, предельно индивидуализированного, выстраивающего

индивидуалистические алгоритмы успеха и исповедывающего принцип «человек человеку волк». Крутясь в рамках достаточно примитивного рыночного социума, этот квазилиберальный обыватель ведет себя вполне по-рыночному, но на уровне парадных ценностей совсем не либерален.

При этом некоторые российские исследователи (Н. Лапин, Н. Лебедева, И. Клямкин) настаивают на том, что, несмотря на наличие консервативных тенденций, за период после 1990 г. баланс либеральных ценностей постоянно возрастал. «В 1990 г. в нем было три ценности, из которых только одна либеральная – свобода. В 2002 г. их было уже три – свобода, независимость, инициативность». Остальные – благополучие, нравственность, жизнь – Н. Лапин считает нейтральными. «Налицо изменение ценностей в либеральную сторону, но я не стал бы пока говорить об их победе, об укоренении в сознании людей. Скорее о противоречивости, переходном характере современной российской системы ценностей, сдвигающейся в сторону продуктивности». Н. Лапин также отмечает неоднородность российской культуры, противоречивое сочетание в ней либеральных и традиционных ценностей, противостояние вольности и свободы [Лапин 2002, с. 41, 43]. По мнению других экспертов, серьезной проблемой, создающей определенную угрозу идейного раскола общества, является отношение к идеям демократии [Зудин 2004]. По их мнению, Кремль, отходя от базовых принципов демократии, действует скорее вопреки нарастающему и набирающему силу общественному запросу. При этом демократические принципы не рассматриваются этими экспертами как нечто теряющее свою значимость. По данным «Левада-центра», за последние несколько лет оценка обществом критики власти как социально одобряемого явления еще более окрепла, в то время как общественная поддержка действий властей в отношении СМИ стала ослабевать. Однако это лишь одно из возможных противоречий внутри метаидеологии, которое в большей степени затрагивает слои интеллигенции в крупных городах.

Наличие метаидеологии не означает отсутствия расколов и противоречий на идейной почве. Однако эти расколы редко носят столь актуальный характер, чтобы проявляться на уровне партийно-политических симпатий. Например, вопрос о приоритете таких базовых ценностей, как порядок и свобода. Для подавляющего большинства россиян и та и другая ценности входят в число первых пяти, а то и трех по степени значимости. Но в центре политического «болота», по мере приближения к ядру метаидеологического консенсуса, они все в меньшей степени противоречат друг другу. Большинство опрошенных признается в том, что «и то важно, и это важно». Одни на первое место ставят порядок, другие – свободу, но этот выбор не носит для них принципиального характера. Иное дело – по мере продвижения к политизированным флангам политического пространства происходит все более жесткое противопоставление этих ценностей, противоречия между ними становятся как бы символом двух полярных миров – царства жесткого порядка и царства свободы и индивидуализма. В результате только 10% из тех, кто предпочитает порядок свободе, готовы проголосовать за партию порядка, и только 7% из тех, кто предпочитает свободу порядку, готовы проголосовать за партию свободы¹.

¹ По данным ВЦИОМ, май–июнь 2008 г.

Как отмечает В. Петухов, «что же касается понятий, которые в наибольшей степени “ласкают” слух россиян, то в том, что это именно “порядок”, “справедливость”, “стабильность”, “свобода”, “достаток”, во-первых, нет ничего экстраординарного, а во-вторых, специфически российского. Это ценностная палитра, которая определяет приоритеты любого демократически организованного общества. В то же время в интерпретации некоторых важных понятий и идеологией нашими согражданами есть, безусловно, определенная специфика, связанная с особенностями жизни страны последних пятнадцати-двадцати лет» [Петухов 2008].

В чем же состоит неоконсервативный идеологический консенсус? В общих чертах он заключается в признании следующих ценностей:

сочетание демократического устройства политической системы (особенно важны индивидуальные свободы – выбора профессии, заработка, перемещений (включая выезды за рубеж), свободы информации и политических взглядов; менее важна политическая надстройка – выборы, многопартийность) – с элементарным порядком; в русле этой парадигмы можно назвать и неприкосновенность личной жизни, в которую не должно лезть ни государство, ни общество;

сочетание рыночной экономики, особенно на ее микроуровне, с усилением роли государства и приданием ему социальных функций;

сочетание скорее прозападных ценностей в быденной жизни (идеалом служит массовое потребительское общество западного типа) и жесткой, неуступчивой внешней политики, обеспечивающей национальное достоинство россиян;

отказ от революционного насилия в пользу постепенного реформирования.

Понятно, что из этого консенсуса выпадают наиболее радикально настроенные коммунисты и националисты различного толка, а также меньшая, но наиболее радикальная часть либералов. С этими ценностными идеологемами выражают согласие в среднем более 80% населения России.

Согласно данным таблицы 1, в последние годы среди возможных национальных идей, способных объединить страну и общество, на первое место с большим отрывом выходит идея единения народов России в целях ее возрождения как великой державы, имеющая более 40% сторонников. Все остальные идеи, имевшие большую популярность десятью-пятнадцатью годами ранее, такие как социалистическая, коммунистическая, западническая, рыночная, воспринимаются как частности, как идеи, неспособные объединить общество. Избиратель прощает партии власти и невнятную социальную концепцию, и противоречивую идеологию, и номенклатурное лицо ради сверхзадачи, с которой в его глазах связана путинская партия власти, – объединить общество, восстановить государственную субъектность.

Следует отдельно рассмотреть место демократической идеологии в рамках путинской метаидеологии. Критика демократии образца 1990-х годов, ставшая лейтмотивом многих политико-идеологических высказываний эпохи Путина, вполне совпадает с мнениями и оценками большинства россиян. Согласно исследованиям ВЦИОМ в 2005–2006 гг., почти половина опрошенных (49,7%) считает, что полноценная демократия в России так и не состоялась. Простые люди в «демократической» России остаются безгласными и бессильными повлиять на власть, их мнение никак не влияет на принятие решений. То есть дело не в самой демократии, а в том, что ее исполнение в России оказалось выхолощенным, неполноценным.

Альтернативных точек зрения, заключающихся в том, что демократия вообще не подходит для России и что Россия не созрела для настоящей демократии, придерживаются соответственно 16,4 и 14,0%, т. е. в сумме около 30%. Между тем 80,1% опрошенных выражают в целом негативное отношение к российской демократии и полагают, что «эта демократия мало влияет на нашу повседневную жизнь, все равно нами правят те, у кого больше денег и связей». По сути, речь идет о том, что в России создана не столько демократия, сколько ее фасад с такими формальными атрибутами, как: избираемые населением Президент, Государственная Дума, органы представительной власти на местах, многопартийность. Но этот фасад почти никак не влияет на повседневную жизнь граждан, не видящих путей защиты своих реальных интересов. Фасадная демократия является лишь ширмой, за которой скрывается весьма антидемократическая реальность нашей жизни. Во многом подобное противоречие между демократической практикой и национальными интересами связывается и с тем, что модель демократии, внедренная в российскую политическую систему, является слепком с универсальной политической системы, характерной для современных западных стран и не зависящей от конкретных национальных особенностей. Такая универсальная модель, по мнению 54,8% россиян, не может работать в российских условиях без учета национальных особенностей и традиций России.

Таблица 1. Представления об идее, способной объединить общество (%)

Идея	Сторонники идеи	
	2003 г. (ИС- РАН)	2006 г. (ВЦИ- ОМ)
Идея единения народов России в целях ее возрождения как великой державы	41,4	42,4
Идея правового государства	30,3	24,7
Идея объединения народов для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством (истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды)	23,5	16,2
Идея сближения с Западом, вхождения России в общеевропейский дом	12,1	4,8
Возвращение к социалистическим ценностям и идеалам	10,0	11,2
Идея объединения всех славянских народов	8,5	12,1
Идея величия, национальной уникальности, особой исторической миссии русского народа	7,3	5,9
Идея индивидуальной свободы, превосходства интересов личности над интересами государства	6,0	3,2
Идея очищения общества через православную веру	5,6	5,4
Идея противостояния Западу	2,3	5,8

Альтернативой «несуверенной демократии», сформировавшейся в России, является национальная модель демократии. В чем же она состоит или может состоять? Конкретная модель, подходящая для нынешней России, пока никем предложена не была, однако население воспринимает ее как форму, способную аккумулировать активность общества, его наиболее дееспособных членов. Самыми важными атрибутами реальной демократии общественное мнение признает равенство всех

граждан перед законом (44,9%) и равные для всех граждан права в социальной и экономической сфере (33,3%). Именно с достижения этих целей и начинается формироваться политическая нация. Что же касается «верхушечных» атрибутов демократии, то значимым признается только всенародное избрание главы государства (32,0%), что также является важнейшим фактором сплочения нации. Не придается большого значения выборам парламента (9,3%), а также различного рода формам гражданской активности – участию в жизни партий, политических и общественных объединений (4,9%), участию в митингах, пикетах, забастовках, иных акциях протеста (4,4%). Само общество пока не видит места для своего собственного участия в установлении реальной демократии. Запрос на новую демократию обращен к властям, к верховной власти, к президенту.

Другим важным компонентом неоконсервативной метаидеологии является идея внутреннего сплочения общества на фоне усиливающегося образа внешнего врага. Многие говорят о росте ксенофобских настроений в России. Однако образ внешнего врага большей частью ориентирован в отношении Запада, в первую очередь США. При ответе на вопрос о том, на что должна ориентироваться Россия – на вхождение в западную цивилизацию или же на свой самостоятельный русский путь, более 70% населения выбрали второй вариант. Наряду с восстановлением социальной справедливости наибольшее распространение среди сторонников различных идейно-политических течений получают идеи национального возрождения и укрепления государственной мощи.

В массовом сознании Запад становится концентрированным воплощением зла, разного рода страхов и угроз. Именно Запад, по мнению этой части общества, виноват в трудностях современной России: он ведет целенаправленную политику на превращение России в страну третьего мира, неспособную конкурировать с Западом в современных сферах экономики и являющуюся поставщиком дешевых сырьевых ресурсов. 43,6% россиян в марте 2006 г. назвали именно США главным источником серьезных угроз для России в XXI в. Лишь 4,1% наших сограждан видят в США наиболее желанного союзника. Отношение к европейским западным странам намного более сдержанное и нейтральное. Их не боятся, но на них и не надеются.

В то же время на практике постоянно формируются новые парадигмы, связанные с новыми общественными вызовами, которые уже не встречают такого согласия, раскалывают общество на более или менее крупные группы. Кратко упомянем важнейшие из них²:

1. «Перемены, обновление – стабильность». За перемены выступают 49,2% россиян, за стабильность, отсутствие перемен – 44,8%. За последние годы число сторонников перемен начинает медленно расти и сегодня немного опережает число сторонников стабильности. За перемены выступают те группы общества, которые не слишком высоко оценивают положение дел в стране, – это коммунисты, русские националисты. При этом сторонники партии власти выступают скорее против перемен.

2. «Установка на экономическую самостоятельность – установка на патернализм, поддержку со стороны государства». Как и все предшествующие годы, более

² Здесь и далее приводятся данные исследования ВЦИОМ, проведенного в мае–июне 2008 г.

двух третей россиян (68,6%) по-прежнему полагают, что без поддержки со стороны государства им и членам их семей выжить сложно. Им противостоит активное меньшинство (23,3%), готовое самостоятельно пуститься в плавание по жизни. За последние пять лет благосостояние россиян выросло почти в два раза, но доля тех, кто не может прожить без помощи государства, не сокращается. Это соотношение характерно для всех групп общества, кроме представителей «правого» политического фланга.

3. «Авторитаризм – демократия». 55% россиян предпочитают выбирать «твердую руку, которая наведет порядок, даже если для этого придется ограничить некоторые свободы». При этом 37,6% считают, что свобода слова, политического выбора, перемещений по стране и за ее пределы – это то, от чего нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах. Соотношение авторитаристов и демократов остается практически неизменным все последние 5–8 лет и отражает высокую ценность порядка и авторитета личной власти в умах значительной части общества. Сторонники демократии преобладают в тех группах политического сознания, которые принято связывать с демократической идеологией. Но и в этих группах сторонники авторитарного пути развития страны занимают довольно-таки прочные позиции.

4. «Западники – самобытники». После недолгого увлечения западничеством в первой половине 1990-х годов последние десять лет в нашей стране преобладают сторонники самостоятельного пути развития России, отличного от стран Запада. Таковых сегодня в России – 72,7%. При этом только 17,8% считают, что России следует поскорее войти в сообщество западных стран. Это соотношение все больше растет в пользу самобытников, тем более что подобная установка стала почти официальной идеологией. Однако в чем именно состоит свой, особый путь России, сказать не могут ни представители официальных кругов, ни националистическая оппозиция, предлагающая в качестве рецепта советы из другой исторической эпохи. Даже в группах общества, поддерживающих демократические ценности, доля самобытников превосходит численность западников.

5. «Сторонники нового передела собственности и восстановления принципов справедливости – сторонники сохранения статус-кво». 54,5% россиян так и не могут смириться с нарушением базовых принципов справедливости в ходе приватизации 1990-х годов и считают, что богатства, нажитые несправедливым путем, надо конфисковать, а их сторонников – наказать по всей строгости закона. 31,3%, напротив, считают, что нового передела собственности допускать не следует. В конце 1990-х годов число сторонников нового передела превышало 70%, однако теперь оно медленно снижается. В первую очередь в результате выхода на сцену новых поколений, для которых социалистическая собственность – это уже давняя и не слишком интересная история. Сторонники передела преобладают почти во всех группах общества, кроме правых, но и там соотношение близко к «фифти-фифти».

6. «Индивидуализм – коллективизм». 52,9% россиян уверены, что личные интересы – это главное для человека, их нельзя ограничивать даже ради блага общества, т. е. выступают в качестве индивидуалистов, занятых преимущественно своими частными проблемами. По мнению 31,4%, людям следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов государства и общества. Интересно отметить, что индивидуалисты преобладают в России, несмотря на рост патриотических настроений

и поворот идеологических установок в пользу государственности и державности. Установка на индивидуализм преобладает даже в левых сегментах общества.

7. «Русский национализм – национальная толерантность». 40,4% россиян склоняются к поддержке идей русского национализма, согласно которым в России должно быть государство, которое выражало бы в первую очередь интересы русских. Сюда входят и жесткие националисты, которых не более 12–14%, и «мягкие», которые соглашались с этой точкой зрения с определенными оговорками. 53,5% опрошенных придерживаются интернационалистской позиции, согласно которой в России должно быть государство, в котором все народы, проживающие на его территории, имели бы равные права и возможности. Доля националистов, особенно в относительно мягкой форме этого явления, в последние годы имеет тенденцию к росту. В то же время во всех группах массового сознания, кроме тех, которые идентифицируют себя непосредственно с русским национализмом, преобладают интернационалисты.

8. «Готовность к жертвам – неготовность к жертвам». Лишь 31,1% опрошенных россиян выражают готовность к поведению мобилизационного типа. Если к власти придут лидеры, которые во имя будущего страны призовут меня к каким-либо жертвам, то я готов их поддержать – уверены они. 44,2% опрошенных не готовы жертвовать ничем. Они бы не хотели чем-то жертвовать даже ради спасения страны. Наше общество все постреформенные годы остается антимобилизационным, неготовым к серьезным жертвам, ориентированным скорее на гедонистические ценности. В неготовности к жертвам солидарны все идейно-мировоззренческие группы. Даже среди тех, кто называет себя русскими патриотами, соотношение 41 к 42% не в пользу идеи жертвенности.

Сегодня все эти противоречия, мнимые и реальные, тонут в консенсусной метаидеологии, теряя свою остроту, и слабо влияют на реальный политический выбор общества. Однако неизбежность выхода из социально-политической стагнации, возвращения динамики в большой политике и настроениях граждан актуализирует многие из указанных противоречий и может сделать их основой для новой партийно-политической сегментации общества. Как видно из приведенных данных, даже в рамках перечисленных общественных противоречий большинство остается за неоконсерваторами. Несмотря на то что элементы неоконсервативной идеологии можно было обнаружить еще в 1990-е годы, она находилась тогда в эмбриональном состоянии.

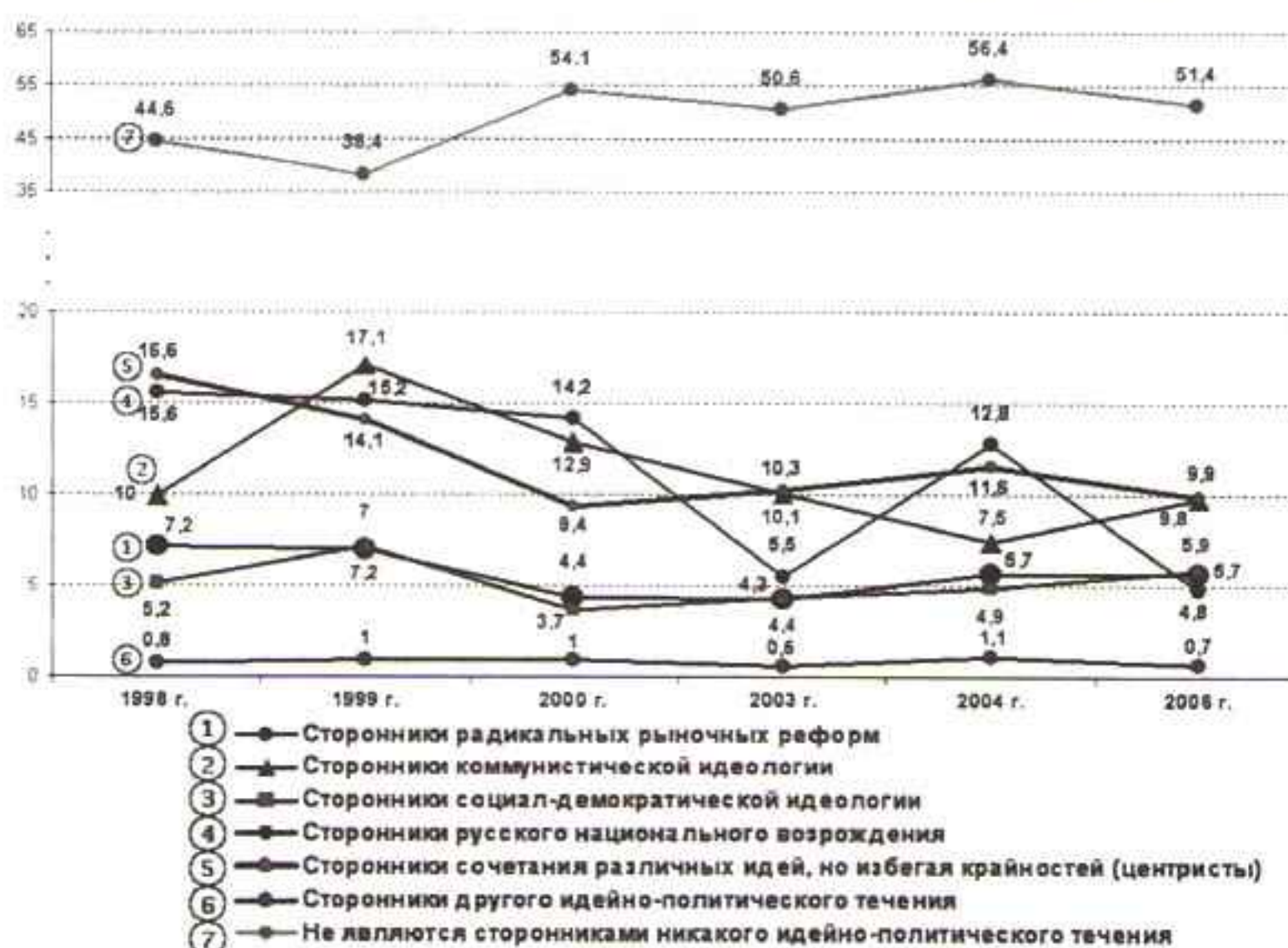
Более или менее подробно мы попытались исследовать феномен изменения системы базовых политических ценностей в 2001–2002 гг. в рамках проекта «Базовые ценности россиян» [Базовые ценности россиян 2002; Бызов 2002]. Как отмечалось в той работе, «если в начале 1990-х годов вторая шкала просматривалась едва уловимо и интерпретировалась неоднозначно, то в настоящем исследовании достаточно четко выделяется вторая шкала, как установка, с одной стороны, на индивидуализм, а с другой стороны, на “социальный порядок” – государство, общество, коллектив». Тогда «процесс “выпадения” облака либерал-консерваторов из общей массы либералов находился еще в начальной стадии». Эта группа, составлявшая в 2001 г. всего 12,9% от общей совокупности опрошенных, несла в себе черты ядра для формирования неоконсервативной идеологии, ставшей основой для господствующей в путин-

ской России метаидеологии, совмещающей ценности свободного рынка, демократии и сильного, национально ориентированного государства. Носителям этой группы сознания соответствуют свои культурные, религиозные, эстетические пристрастия, своя система моральных ценностей, мотиваций, своя мифология. В специально проведенном в 2008 г. ВЦИОМ совместно с Институтом общественного проектирования исследовании мы в очередной раз попытались расчленить это метаидеологическое «болото», выделив в его рамках традиционные идеологические составляющие. И мы в очередной раз убедились, что деление общества на левых и правых все в меньшей степени соответствует реалиям современной России.

Так, россияне все в большей степени отказываются самоопределять, идентифицировать себя как сторонников тех или иных идеологических доктрин, в частности как представителей правой – рыночной – идеологии, левой – социалистической или коммунистической, а также националистической. Начиная с 2000 г. более половины опрошенных заявляли, что не являются сторонниками какого-то определенного идейно-политического течения. В 2006 г. сторонниками радикальных рыночных реформ (правыми) называли себя 5,7% россиян³ (7,2% в 1998 г.), сторонниками коммунистической идеологии (левыми) – 9,8% (10,0% в 1998 г.), сторонниками социал-демократической идеологии (левыми) – 5,9% (5,2% в 1998 г.), сторонниками русского национального возрождения – 4,8% (15,6% в 1998 г.).

Диаграмма 1. К какому идейно-политическому течению вы себя относите?

Источник: Данные мониторингового исследования ИС РАН.

Остальные 73,7% либо не относили себя ни к одному идейно-политическому течению, либо определяли себя как сторонников сочетания разных идей (центристов) (см. диаграмму 1). Значительное уменьшение в российском обществе доли сторон-

³ По данным мониторинга ИС РАН (до 2003 г. – ИКСИ РАН).

ников русского национального возрождения связано с постепенным увеличением доли «мягкого» национализма, не противоречащего официальной идеологии нынешнего режима, делающего ставку на патриотические чувства граждан.

В то же время реальный спектр общественных симпатий очень неточно описывается этими тремя основными идеологическими течениями. Те же левые делятся на несколько групп в соответствии со своими убеждениями и приоритетами. Среди них есть убежденные сторонники коммунистической идеологии, в основном с ностальгией вспоминающие эпоху развитого социализма 1970-х и 1980-х годов. Эта группа составляет чуть менее 15% от всей совокупности россиян. Значительно больше совсем других левых – так называемых левых государственников, социал-патриотов, которые считают необходимым воссоздание сильного и социально ориентированного государства, но отнюдь не под руководством коммунистов. Среди россиян таких сегодня от 15 до 25%. Небольшой довесок к этим двум крупным группам левых составляют левые демократы, сторонники социальной демократии, самоуправления трудящихся, идеям которых симпатизируют 2–4% россиян.

На две группы раскололись и недавние правые. Часть из них (2–3%) осталась на позициях рыночного фундаментализма, невмешательства государства в экономику и свободного развития бизнеса. Значительно шире представлена другая часть правых, отдающих приоритет правозащитной деятельности и политической демократии, выступающих против угрозы диктатуры и произвола со стороны государства. Эта группа составляет около 12% россиян. На смычке правых и левых образовалась внушительная группа правоцентристов, выступающих за сочетание сильного государства и рыночной экономики. Численность этой группы составляет 15–19%. Идеологически она наиболее близка нынешней «партии власти», и, вероятно, в нее вошли некоторые бывшие левые государственники и некоторые бывшие правые рыночники. Их можно охарактеризовать как неоконсерваторов или либерал-государственников.

За идеологией русских национал-патриотов также скрыто несколько групп с сильно различающейся идеологией. Наиболее крупной из них являются собственно русские националисты, выступающие за реализацию лозунга «Россия для русских», против наплыва в Россию мигрантов в основном из южных и юго-восточных регионов (4–5%). Примерно такова же по численности и совсем иная группа патриотов – православных монархистов, сторонников возрождения страны на основе православия и дореволюционных политических традиций (3–4%) (см. таблицу 1).

Значительно больше тех, кто предпочитает называть себя просто патриотами, выступающими за традиционные духовные ценности русского народа. Идеологически эта группа очень близка к левым государственным, вместе с ними она образует нерушимый блок социалистов и патриотов. Понятно, что многие сторонники патриотических приоритетов также переметнулись сегодня в стан партии власти, возможно, выбрав ее в качестве наименьшего зла.

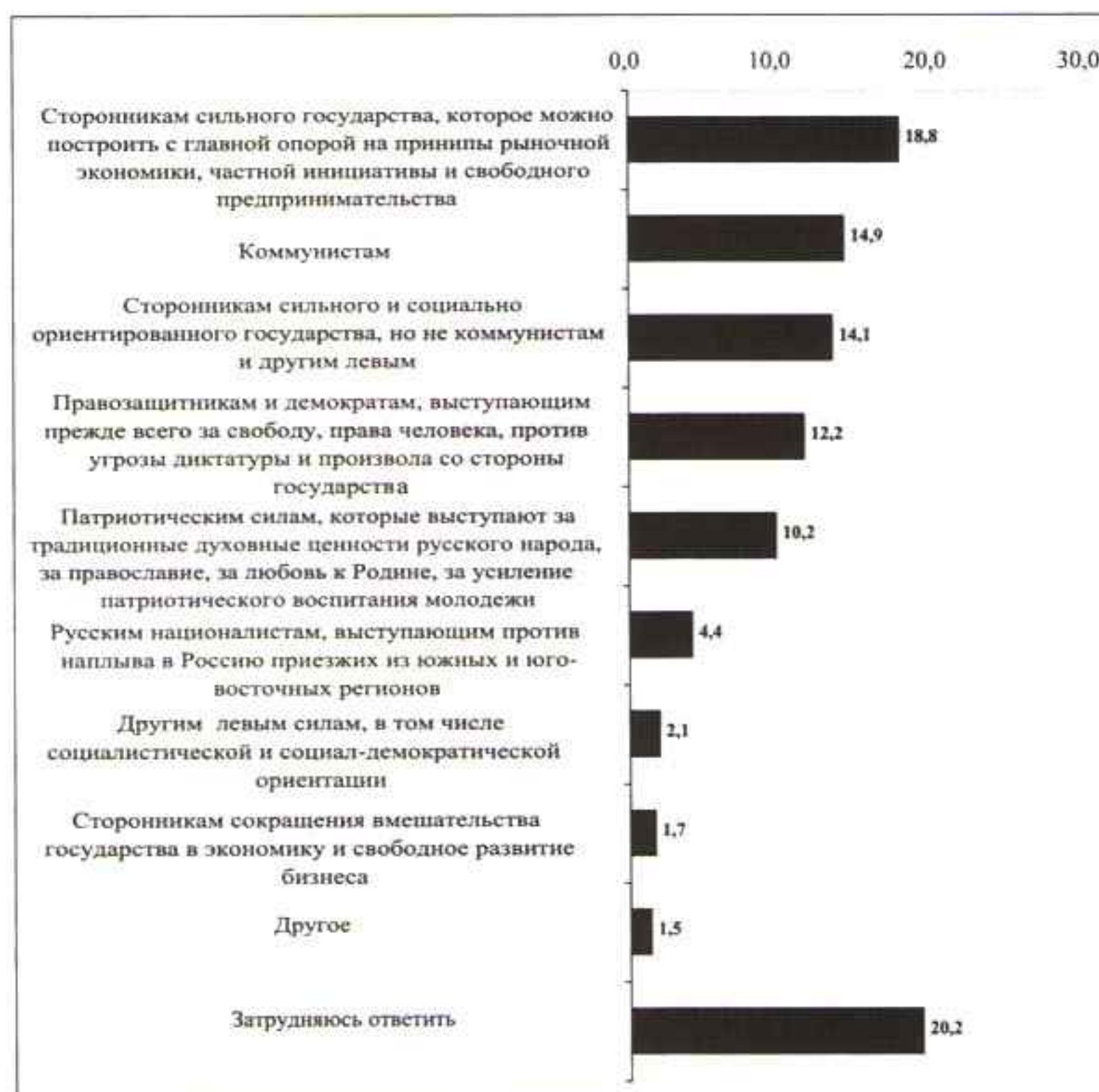
Если считать ядром поддержки нынешнего режима тех, кто разделяет ценности сильного государства и рыночной экономики (таких 18,8%), то остальные группы являются носителями различных протестных настроений. Таким образом, в рамках большого «синкретического болота», где все хотят примерно

одного и одинаково смотрят на мир, выделяются следующие группы идейно-политического спектра:

1. *Либерал-консерваторы, либеральные государственники или неоконсерваторы.* Это своего рода партия порядка, сформировавшаяся на базе современного городского среднего класса. За носителями этой идеологии стоят собственность и завоеванное место в обществе, которые они не хотят терять. Модернистская система общежитских ценностей, унаследованная от либералов эпохи 1990-х годов, сочетается в этой группе с солидаризмом на уровне рациональной корпоративной этики – нация-корпорация, «мы, как представители сильного государства-корпорации, сильнее, чем каждый по одиночке». Ядро группы составляет около 20% россиян.

Диаграмма 2. У нас в стране много различных партий, общественных движений. Какому общественно-политическому течению вы больше всего симпатизируете? (Закрытый вопрос, один ответ, %)

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

2. *Коммунисты, советские традиционалисты.* Этот тип сознания характерен для тех групп населения, которые не приняли перемены, произошедшие в стране после начала 1990-х годов. Для их менталитета характерно сочетание советских ценностей (в основном позднесоветских) с досоветскими крестьянскими (так называемый коллективизм, неприятие буржуазных ценностей, современной

городской морали, обожествление государства и т. д.). Традиционалисты голосуют преимущественно за КПРФ, которой удастся совмещать левую риторику с право-консервативными ценностями. Наблюдается тенденция постепенного сокращения этого типа протеста по мере включения регионов с традиционалистским укладом в современные социально-экономические процессы, а также естественной смены поколений. Наша оценка подобного электората – от 10 до 14%.

3. *Собственно левые.* Неприятие «буржуазных» ценностей у них сочетается с отрицательным отношением к сильному государству, отрицанием вообще этатистской коммунистической традиции, ориентацией на общинно-анархические ценности. Для такого типа протеста характерно неприятие нынешней КПРФ как слишком правой политической силы, ориентированной на поддержку сильного государства и традиционалистских ценностей, включая элементы клерикализма. По нашей оценке, доля этой группы не превышает сегодня 3–4% всего дееспособного населения.

4. *Социал-консерваторы (левые государственники, социал-патриоты).* В отличие от первой, традиционалистской протестной группы, в значительной степени унаследовавшей крестьянскую ментальность в городских интерьерах, данная группа ориентирована скорее на городские ценности. Это те, кто ценит традиционное сильное и социально ориентированное государство как в его советском, так и (в меньшей степени) досоветском обличье. Это очень значительная по объему электоральная ниша, долгое время являвшаяся некой правой периферией электората КПРФ, голосовавшая за Зюганова и Лебеда в 1996 г., а в 1999–2000 гг. – за Путина. Сегодня государственники лояльно относятся к В. Путину и готовы поддержать «партию власти». Эта ниша составляет примерно 20–25% от всех голосующих. В основном она состоит из патриотов советского образца. При этом патриоты, ориентированные скорее на православные и монархические ценности, составляют лишь немногим более одной десятой части всей группы социал-консерваторов.

5. *Русские националисты.* Они ориентированы на проблематику, связанную с засильем инородцев, и «чисто русскую» власть. За русских националистов готово проголосовать лишь немногим более 4% электората. И это при том, что сама по себе национальная проблематика сильно обострена и продолжает обостряться. Так, согласно исследованиям ВЦИОМ, более 45% опрошенных испытывают неприязнь к «приезжим». Национальная проблематика – это классическая ценность второго ряда. Условно говоря, запрос обращен к власти, чтобы она навела порядок в национальном вопросе, а вовсе не к каким-то политическим группам, называющим себя русскими националистами. Да и опыт современной истории показывает, что силы, ставящие национальный вопрос на первое место, вызывают опасения у слишком многих «неопределившихся» (за голоса которых идет реальная борьба) и обречены на маргинальные позиции в том случае, если выборы не совпадают с обострением кризиса.

6. *Правозащитники, левые либералы.* В либеральной части политического спектра тоже есть свои левые и правые. Левые либералы – это в определенной степени социал-демократы российского образца, ориентированные не столько на

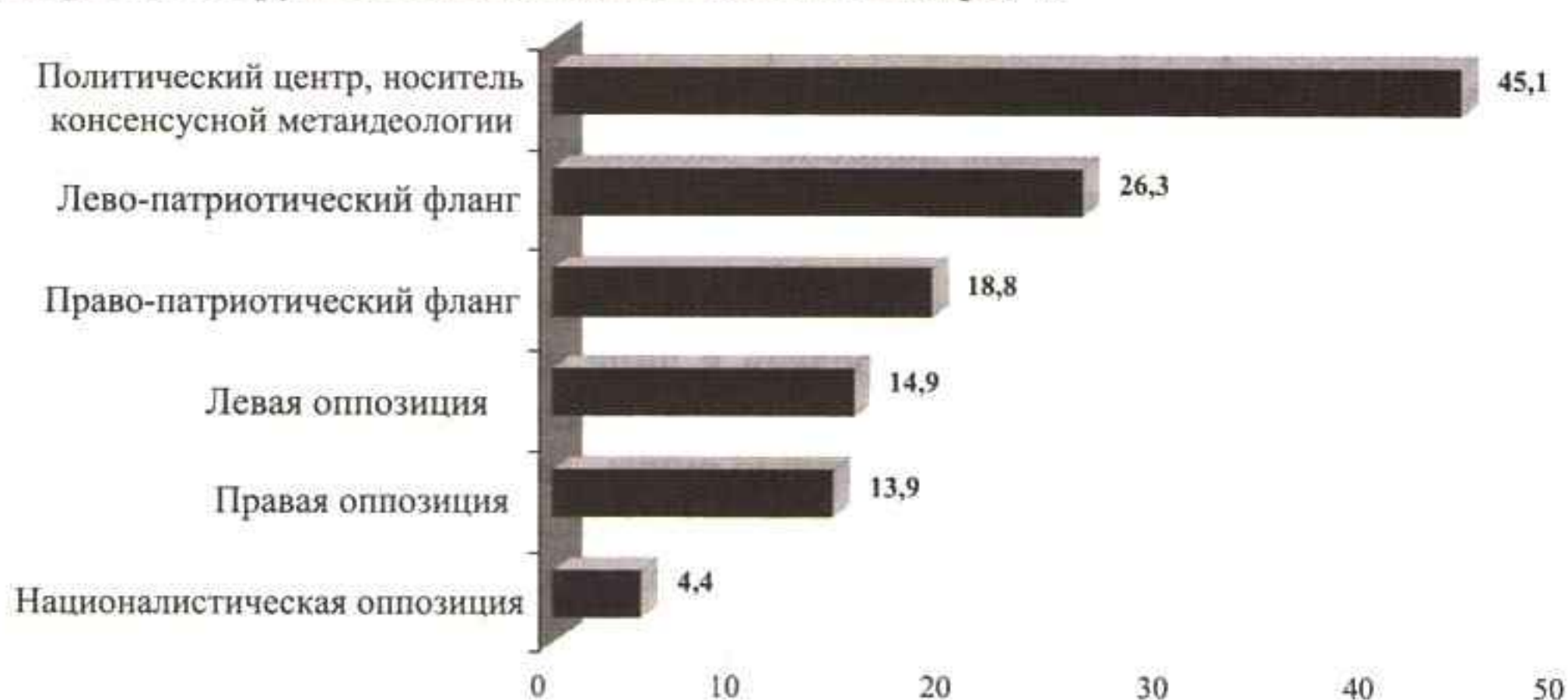

ценности свободного рынка, сколько на демократические и правозащитные идеи. Их сегодня примерно 8–12%.

7. *Либералы, рыночники.* Ориентированы на ценности свободного рынка и связанные с ними идеи социал-дарвинизма («пусть всегда выживает сильнейший») в сочетании с западничеством. Их не более 3% от общего числа россиян, и эта цифра продолжает снижаться.

Предложенную схему идеологического спектра можно обобщить следующим образом (см. диаграмму 3):

Диаграмма 3. Группы идейно-политического спектра, %

Источник: ВЦИОМ, 2008 г.

Приоритет идей порядка над идеями свободы характерен для всех без исключения идейных сегментов общества. Среди групп, образующих ядро метаидеологии, порядок в наибольшей степени предпочтителен для патриотического сегмента (84% – за порядок и 14% – за свободу), левых государственников (81 против 13%), в несколько меньшей степени – для либеральных государственников (76 против 22%). В еще большей степени это характерно для левой оппозиции в лице коммунистов – 90 против 9%. Несколько выше ценность свободы у правой оппозиции, но и там преобладают сторонники порядка (71% против 25 у правозащитников и 63% против 35 у либералов).

Вопрос о переменах, обновлении или продолжении стабильности, отсутствии значительных перемен не является консенсусным. Группы общества, составляющие ядро консенсуса, делятся в этом вопросе примерно пополам. Так, среди левых государственников это соотношение – 44 против 49% в пользу стабильности; среди либерал-государственников – 45 против 52%, также в пользу стабильности. Что касается патриотов, то одна половина из них выступает за перемены (47%), а вторая – за сохранение стабильности (46%). Левая оппозиция в лице коммунистов выступает за перемены, будучи недовольной ходом развития событий (64 против 31% – за перемены). В этом отношении ее готовы поддержать национал-патриоты (63 против 33% – за перемены). В меньшей степени привлекают перемены правую

оппозицию, хотя и в этих группах сторонников перемен несколько больше, чем сторонников стабильности (48 против 45% в группе правозащитников и 58 против 43% в группе либералов).

Для групп, входящих в консенсусное идеологическое ядро, необходим высокий уровень поддержки со стороны государства. Только 22% левых государственников готовы отказаться от помощи со стороны государства. Еще меньше эта доля среди патриотов (19%). При этом среди либерал-государственников она составляет 30%. Высокий уровень государственной поддержки важен и для левой оппозиции – только 16% сторонников коммунистических сил готовы положиться на собственные силы. Среди русских националистов эта доля несколько выше – 25%. Что касается правой оппозиции, то правозащитники поддерживают эту консенсусную установку (только 27% готовы обойтись без помощи государства). При этом либералы, представляющие наиболее экономически активную часть общества, как бы выламываются из общего контекста (58% готовы положиться на собственные силы).

Вопрос об авторитарном порядке или приоритете демократии не является в нашем обществе консенсусным. «Середка» в лице идеологического ядра раскола в этом вопросе примерно на равные части. Среди левых государственников 52% против 41 готовы поддержать «твердую руку», даже если при этом могут пострадать некоторые демократические свободы. В пользу «твердой руки» высказываются и патриоты (59% против 37). При этом либерал-государственники выбирают неотъемлемость демократических прав и свобод (47% против 50). Левая оппозиция в лице коммунистов выступает за «твердую руку» (75% против 20), а правая – скорее за демократические ценности (среди правозащитников это соотношение – 43% против 53, а среди либералов – 45% против 44 в пользу «твердой руки»). Стремление искать свой собственный путь, отличный от западного пути развития общества, является консенсусным практически для всех групп российского общества. В консенсусном ядре доля западников составляет в среднем около 20% (среди левых государственников – всего 20%, среди патриотов – 16%, среди либерал-государственников – 26%). Среди коммунистов и русских национал-патриотов эти доли еще ниже – 8 и 15% соответственно. Самыми прозападными являются либералы-рыночники, но и среди них доля западников не превышает 31% от общего числа опрошенных.

Не является консенсусной и проблема, что делать с богатствами тех, кто приобрел их в 1990-е годы несправедливым путем, за счет сомнительных приватизационных сделок. В группах консенсусного ядра мнения несколько различаются. Так, левые государственники и патриоты выступают скорее за то, чтобы эти богатства были конфискованы, а их владельцы – наказаны (55% против 32 у левых государственников и 61% против 26 среди патриотов). Либеральные государственники по этому вопросу не имеют ярко выраженной позиции (44% против 44%). Понятно, что левая и националистическая оппозиция выступает скорее за передел собственности (70% среди коммунистов и 61% среди русских националистов). Что же касается правой оппозиции, то правозащитники выступают скорее за передел собственности (52% – за), а либералы-рыночники – скорее против (56% – против).

Во всех без исключения группах общества, выделенных по идейно-мировоззренческим принципам, преобладает точка зрения, что личные интересы – это главное для человека, их нельзя ограничивать даже ради блага общества. В этом своего рода «бытовом» либерализме мало различимы и сторонники власти, и сторонники оппозиции. Среди левых государственников 39% против 46 склоняются в пользу приоритета личных интересов, среди патриотов – 41% против 50, среди либеральных государственников – 26% против 63. Близкого мнения придерживаются также коммунисты (36% против 48), русские националисты (34% против 56), правозащитники (28% против 59) и либеральные рыночники (33% против 63).

Проблема русских в российском государстве остается проблемой достаточно неоднозначной. Она сильно разделяет идейно-мировоззренческие группы в отношении к «русскому вопросу». Однако в консенсусном ядре общества преобладают интернационалистские настроения. Среди левых государственников лишь 39% считают, что в России должно быть государство, которое бы в первую очередь выражало интересы русских. Среди патриотов этот показатель составляет 42%, а среди либеральных государственников – 39%. Столько же сторонников приоритета «русских» интересов среди коммунистов – 39%, 38 среди правозащитников и 46% среди рыночников-либералов. Лишь в группе русских националистов, что вполне естественно, 63% опрошенных выступили за приоритет интересов русских в российском государстве.

Как уже отмечалось, отличительной чертой ценностной конфигурации путинского консенсуса является низкая мобилизационная готовность населения. В особенности это касается верхних и средних социальных страт, что вполне объяснимо. Основной социокультурной тенденцией последнего десятилетия был перенос любых форм активности в приватную сферу. Формировалось приватное пространство, в котором лишь частные интересы являются реальным мотивирующим фактором. На жертвы во имя будущего страны готовы 30% левых государственников, 38% патриотов, 27% либеральных государственников. Не слишком отличаются от них и оппозиционные группы. Так, среди коммунистов к жертвам готовы 38% опрошенных, среди русских националистов – 41%, среди правозащитников – 36%, среди либералов – 27%.

Итак, в качестве консенсусных ценностей, определяющих содержание неоконсервативной консенсусной метаидеологии, можно выделить тягу к порядку, патернализм, зависимость от государства, антизападничество при одновременном стихийном либерализме – неготовности к жертвам и ориентации на личные интересы. Идеология как товар сегодня становится мало востребованной, общество становится все прагматичнее, интерес к политике как таковой становится уделом политизированного меньшинства. Однако вопрос о качестве идеологического консенсуса, его прочности и перспективах остается открытым. Действительно, сегодняшние россияне избегают крайностей и ищут идейно-политический синтез, заимствуя для нового консенсуса что-то «справа», а что-то – «слева». Нынешняя правящая партия – яркий пример политического субъекта, возвращенного этой метаидеологией. В ней есть что-то от большого мыльного пузыря, надувающегося в условиях продолжающегося безразличия общества к тому, как ведутся дела в стране. За фасадом всеобщего единомыслия набирают оборот скрытые тенденции

общественной полемики, которые усугубляются отчуждением общества от власти и от большой политики как таковой. Общество и власть живут по принципу негативного консенсуса: «Мы не задеваем ваших интересов, и вы не задевайте наших». Как на разных планетарных орбитах, эти миры в обыденной жизни едва-едва пересекаются, каждый занят своим.

Пожалуй, самая главная проблема, которая не позволяет говорить о завершенности процесса формирования новорусской нации на базе путинского ценностного консенсуса, – это углубляющийся институциональный кризис, охвативший в сегодняшней России все общественные сферы и этажи. Эффективные институты невозможно создать из ничего, практически все они исходят из недр традиционного и посттрадиционного общества, в ходе общественной трансформации они зачастую существенно меняют свой облик и содержание, однако их смысл и необходимость не подвергаются сомнению со стороны социальных субъектов. Нынешние россияне не понимают реального смысла квазидемократической политической системы, ее надстроек в виде института многопартийности, не воспринимают сам принцип разделения властей как нечто существенное и значимое. После бурных событий первой половины 1990-х годов оказались бесповоротно разрушенными сами основы местного самоуправления. Постепенно исчезает сегодня и его экономическая база. Не возникает устойчивых социальных связей и по профессиональному принципу. Общество остается атомизированным и, следовательно, несет в себе черты люмпенского маргинального самосознания.

Основной особенностью идеологических тенденций является сегодня лево-правый характер идеологического мейнстрима массового сознания. Люди мечтают о «новом социализме», не похожем на советский опыт, говорят о равенстве возможностей, как основе социальной справедливости, дорожат достижениями потребительского общества, ценят свободу зарабатывать, потреблять, перемещаться в пространстве. Они – ценители идей порядка и справедливости, патриоты по убеждениям и общему социальному самочувствию. Но на практике подобная система ценностей оборачивается инфантильным передоверием властям, готовностью предоставить им возможность делать то, что они считают нужным, общественной апатией. Никаких политических сил «снизу» в стране не рождается, в том числе и вокруг мейнстримной идеологии лево-правого синтеза. Партии и движения, способные реализовать лево-правую систему ценностей, в стране так и не сформировались. При этом то, что возникает, либо быстро распадается, либо встраивается в обоз партии власти.

В этих условиях труднодостижимой остается задача формирования в стране ответственной национальной политической элиты, самодостаточной и без наличия пресловутого административного ресурса, без которой существование нации оказывается просто невозможным. На фоне неработающих институтов сохраняется, а кое-где даже усиливается архаизация общественных отношений. В ее основе лежат самые простые, даже примитивные социальные конструкции – личная договоренность, неформальная иерархия по праву сильного, первичные биосоциальные инстинкты. Самоорганизация общества происходит на частных и локальных уровнях, тогда как сфера национальных интересов, с каким бы пафосом о ней не вещали с высоких трибун, остается зоной всеобщего отчуждения, своего рода ни-

чейной социальной территорией. На фоне всех этих процессов нерасчлененность общественного сознания представляет собой своего рода болото, в котором все позитивные инициативы, все политически живое тонет и растворяется, не оставляя видимого следа. Это единомыслие все больше напоминает консенсус на кладбище, пусть и политическом.

Речь идет о системном кризисе не до конца устоявшегося социума, что чревато тенденциями распада, пусть и не на основе разного понимания идеологических и мировоззренческих установок. На практике нас по-прежнему почти ничего или совсем ничего не объединяет. Укрепление этатистского начала, сужение поля индивидуальной свободы и ответственности, расширение зон регламентации и откровенных запретов оказывают угнетающее воздействие на наиболее самостоятельные и активные группы. Началось перераспределение социального оптимизма между различными группами. По данным «Левада-центра», если в 2004 г. о своей уверенности в завтрашнем дне среди людей наиболее работоспособного возраста (25–39 лет) заявляли 48%, то в 2008 г. – только 38%. Аналогичный процесс происходил в группе лиц со специальным образованием, но без руководящих функций, и в группе служащих без специального образования. Перераспределение социального оптимизма шло в пользу административно-управленческих отрядов элиты. Растущая уверенность иерархических элит сопровождалась усилением беспокойства автономных групп.

С конца 2004 г. баланс в путинском большинстве стал меняться в пользу наиболее консервативных элементов. Появились предпосылки для возникновения политического союза Кремля с консервативной частью общества. Социальный оптимизм элит, связанных с властью, дополняется почтительностью социально слабых групп. Возникают благоприятные условия для формирования консервативного блока. В обществе намечается связь между иерархическими элитами и социально слабыми группами. Их объединяет ориентация на укрепление доминирующих позиций государства, страх перед переменами, включая неприятие продолжения экономической и политической модернизации, благожелательное отношение к расширению роли РПЦ, отчетливо выраженное негативное отношение к Западу (в отличие от амбивалентного, которое было характерно для путинского большинства) [Зудин 2004].

Пока что расчет на самоорганизацию общества на основе статус-кво не оправдывается. Общественная ткань продолжает оставаться разорванной эгоистическими частными и корпоративными интересами, одновременно происходит деградация наиболее важных сфер жизнедеятельности общества, определяющих стратегический потенциал страны (речь идет в первую очередь о науке, образовании, культуре, экологии). Формирование субъектов, способных действовать на общенациональном уровне, в рамках неоконсервативного консенсуса остается пока трудноразрешимой задачей.

По мнению такого авторитетного российского философа и историка, как А. Ахиезер, разорванность общественной ткани и ее ориентация на локальные миры является имманентным состоянием российского общества в течение всего времени его существования. «До сих пор в российской культуре живут непреходящие ценности такого рода социальности, где нет ни государства, ни чиновников,

ни налогов, ни рекрутского набора. Иными словами, до сих пор, сами того не ведая, мы живем воспоминаниями о жизни локального мира. В результате складывается уникальная ситуация, когда в рамках одного общества сосуществуют две типологии человеческого сознания. С одной стороны, административная, бюрократическая ментальность политической элиты, которая выросла в той же самой стране, пронизана токами архаического сознания, но доросла до понимания необходимости государства и, стало быть, большого общества. С другой стороны, массовое сознание низовых слоев, сохранивших почти нетронутые архаические представления о мире» [Яковенко, Ахиезер 1997].

Н.И. Лапин, напротив, связывает проблему «тотального отчуждения постсоветского человека» от власти и от другого человека с кризисным развитием трансформационных процессов в 1990-е годы. «Как противоречивы процессы социокультурной трансформации российского общества в 1990-е годы, прежде всего метаморфозы тотального отчуждения человека. Драматичной оказалась судьба исходного его слоя – *отчуждения от власти*. Насаждавшееся всеми прежними режимами выключение масс *подданных* из политической жизни сменилось лишь формальным их включением через институты парламентаризма, многопартийности и т. д. По сути, отчуждение, навязывавшееся извне, сменилось самоотчуждением населения от повседневного участия в политике и самоотчуждением демократических институтов власти от повседневного взаимодействия с населением. Возникли два непересекающихся и вполне удовлетворенных этим круга политического самоотчуждения: круг властвующих верхов и круг безразличных к власти низов» [Лапин 2000].

Сильная идентификационная связь не с локальными, а с гражданскими общностями, по выражению Ю. Левады, «державное самоопределение и “просто” символическая идентификация с такими категориями, как история, земля, народ», непосредственно выступают факторами предельной интеграции общества. «Социальный человек принадлежит не только к определенной группе, но к определенной нормативно-ценностной системе и определенной “линии” социального времени» [Левада 2000]. Сказанное не означает, что уже сегодня неоконсерваторы являются реальными носителями субъектности более высокого уровня (это может подтвердить или опровергнуть лишь качественное исследование, способное выявить коллективное бессознательное, превращающее группу индивидов в субъект более высокого уровня). Сегодня группа неоконсерваторов выросла в разы, однако переход от парадной неоконсервативной системы ценностей к мобилизационной остается большой проблемой.

Национальное самосознание неоконсерваторов

В последние годы в обществе активно ведется дискуссия о природе современной российской цивилизации, общества и нации. Все чаще можно услышать доводы о глубокой традиционности и даже архаичности общественного сознания россиян, которому глубоко чужды законы и нормы современной мировой цивилизации. С одной стороны, устами нынешнего главы РПЦ Кирилла говорится о недостаточности для русской цивилизации общепринятого на Западе понимания прав и

свобод граждан, об особой духовности русских, пронесенной ими через века [Выступление митрополита Кирилла 2007]. С другой – все чаще говорится об «особых тайнах русской души» и несоответствии им принципов политического и экономического устройства современного Запада. Как убеждены сторонники этой точки зрения, русские в силу исторической традиции лишены чувства ответственности, и поэтому свобода – не для нас, это груз, который нас раздавит, да и уже раздавил в бесплодных попытках реформирования эпохи 1990-х годов. Русские соборны, у них отсутствует культ индивидуального успеха, работа для них не долг, а скорее неприятная необходимость, русским нужен «кнут» – принуждение, они сами не способны придать своему бытию какую-либо продуктивную форму. Возникает странное впечатление, что доводы и русских почвенников, и, напротив, западников все больше совпадают. И те и другие говорят о ярме традиций, давящих на русское бытие, о кризисе «почвенности», которая препятствует интеграции России в современную мировую цивилизацию.

В своей книге политолог и историк Валерий Соловей утверждает, что главная доминанта русской цивилизации лежит в «голосе крови», в социально-биологических корнях русского этноса, которые гораздо важнее и культурных наслоений, и исторических поворотов, и социальных основ жизни. Русский характер запрограммирован на строительство Империи, и в этой связи разворот в сторону разрушения Империи губителен для русских, для их социально-культурного гено-типа [Соловей 2005б]. По мнению другого исследователя массового российского сознания, Михаила Бокова, напротив, «важнейшей особенностью исторической ситуации в нынешней России является то, что по ряду характеристик современное общественное сознание стремительно возвращается к ситуации начала XX в. Общественное сознание через сто лет возвращается к тому моменту, на котором его грубо прервали... Полностью исчерпав тупиковый путь развития, Россия как бы вернулась к исходной точке и пошла по второму пути, по которому могла бы пойти в 1917 г., но не пошла. Мы наблюдаем уникальное историческое явление, когда целый народ вернулся к развилке своего исторического пути и пошел по второй дороге, от которой ранее отказался. Поэтому глубинное самоощущение народа в данный момент истории таково, что страна в принципе начала двигаться в правильном направлении, несмотря на острейшие социальные проблемы, несмотря на бедность населения, несмотря на “олигархов”, коррупционеров, взяточников, депутатов и сатрапов-чиновников» [Боков 2006].

С другой стороны, налицо и общий либеральный мейнстрим, когда идеологи российского либерализма постоянно твердят нам о торжестве русской архаики, русской ксенофобии, антидемократизме и т. д. Глядя на наш социум непредвзятым глазом, как раз следов архаики и «почвы» видишь гораздо меньше, чем хотелось бы. По сути, последние десятилетия оказались разрушительными для российской культурной почвы едва ли не в большей степени, чем вся советская история. Это дает основания полагать, что современному обществу больше подходит такая характеристика, как кризис беспочвенности, чем торжество архаики и традиций. А это означает, что внешний, лежащий на поверхности политический и социальный консерватизм, новый русский порядок, о котором мечтают наши граждане, – это что угодно, но только не возвращение к истокам, не регенерация русской цивилизации.

Эта дискуссия, в которой вполне реальные и эмпирически подтвержденные факты обильно перемешаны с русофильскими и западническими мифами, требует серьезного научного анализа. Необходимо найти ответ на вопрос, что определяет природу современной российской цивилизации. Что мы сегодня наблюдаем – попытку поворота к историческим традициям или, напротив, окончательное и бесповоротное их разрушение? Что над нами довлеет – ярмо вековых традиций или же кризис беспочвенности, разрыв с традициями и культурой? Нынешний этап развития России оставляет много вопросов о природе и особенностях современной российской цивилизации.

Многочисленные сломы, характерные для XX в., не могли не изменить природу и менталитет как всего российского суперэтнуса, так и его великорусского ядра. За годы, прошедшие с момента распада коммунистического строя, Россия так и не выработала собственной цивилизационной идентичности, зависнув между постимперским состоянием, все более чуждым менталитету большинства россиян, и национальным государством, на пути построения которого отчетливо видны труднопреодолимые социокультурные барьеры. Не удалось за эти годы выработать и собственной национальной модели политической и экономической системы, так как формальное заимствование политических и экономических институтов, характерных для цивилизованного Запада, отторгается российской почвой, ведет, в качестве контртенденции, к росту черт архаики и нового варварства.

Как полагают некоторые аналитики, «если в 1990-е годы тема национализма была третьестепенной, то в 2000-х годах она оказалась все более и более актуальной. Помимо активизации различных движений, называющих себя националистическими, и все новых социологических данных о популярности националистических лозунгов среди населения РФ, национализм прорвался и на уровень высокой политики: он стал составляющей идеологии некоторых думских фракций, а Президент нашей страны огласил одну из его версий в качестве чуть ли не официальной. Свой «Русский проект» представила основная партия власти, а один из представителей кремлевской элиты В. Сурков в своей книге «Национализация будущего» четко прописал: «Суверен-демократический проект относится к числу допускающих будущее, и не какое-нибудь, но отчетливо национальное. Курс В. Путина на формирование и утверждение “русской нации” вызвал многочисленные дискуссии в самых разных средах» [Неменский 2007].

По его мнению, «новая российская государственность, будучи во многом чуждой для “малых народов России” (ведь российский национализм для них лишь новый облик русификаторской политики), оказалась чужой и для русского народа, для подавляющего большинства своих граждан. “Русская нация”, не признающая этнических корней и этнических интересов русского большинства, не имеет своего прошлого, а значит, не имеет и будущего. В. Тишков говорит о фиктивности национального, и нельзя не согласиться с ним в том, что “русский национальный” проект действительно фиктивен. Фиктивен, так как на самом деле вовсе не национален. Этничность — это корень любого национального проекта, это то, что легитимирует его в истории, дает ему временную перспективу и культурную идентичность. Этничность есть форма исторической памяти, запечатленной в этнониме. Это корни. А нация без корней — действительно только фикция». И в са-

мом деле современная Россия испытывает колоссальные проблемы с собственной идентичностью – по большому счету граждан страны мало что объединяет, нет ни общей идеологии, ни общих целей и интересов, хотя за последние годы и появились определенные надежды на новую идентичность, уже собственно российскую. Неопределенность общегражданской, государственной идентичности заставляет пристально всмотреться в развитие альтернативных форм идентичностей – этнической, конфессиональной, разного рода локальных.

Для нынешней России характерно наложение друг на друга двух тенденций: достаточно устойчивого роста этничности как русского этноса, так и других этнических групп, с одной стороны, и медленного формирования российской политической нации⁴, с другой. Страна зависла на промежуточной ступени между двумя идентичностями – распадающейся имперской и до конца не состоявшейся национально-государственной. По мнению В. Соловья, наблюдается «безвозвратная деградация имперской идентичности, перенос государственно-территориальной идентичности на нынешнюю “постимперскую” Россию, этнизация русского сознания, что означает как серьезное увеличение этнокультурного компонента в сравнении с государственно-гражданским, так и усиление влияния принципа “крови” (“чистой” этничности)» [Соловей 2005а]. Впрочем, как показывают социологические данные, в этом вопросе также далеко не все столь однозначно. Во всяком случае, этот процесс идет очень противоречиво. В какой-то степени он неизбежен, и это связано с универсальными процессами модернизации, распадом традиционного общества и традиционной культуры. Это путь, проложенный европейскими государствами еще в XIX в., в самом своем начале так испугавший К. Леонтьева, который увидел в нем угрозу потери «цветущего многообразия» империи. В чем-то этому пути нет альтернативы. Унификация образа жизни и общественных отношений, глобализация, стандартизация – все это оставляет совсем немного шансов традиционным анклавам, которые в этих условиях могут сохранить собственное своеобразие лишь в качестве искусственно поддерживаемых резерваций.

Сегодня распад советской империи просто не оставляет нам иных вариантов, кроме как постепенно становиться национальным государством. Однако и эта тенденция носит неоднозначный характер. Если в 1990-е годы многим казалось, что идея империи, великой державы окончательно умерла не только политически, что проявилось в распаде СССР, но и в умах и душах людей, больше озабоченных своими собственными делами, чем величию и амбициями государства, то в последнее десятилетие идея державы стала явно получать второе дыхание. Сегодня, по данным ВЦИОМ, для 60% тех, кто называет себя русскими патриотами, патриотизм – это в первую очередь возрождение России как великой державы, и только для 35% – защита прав и интересов русских как в самой России, так и за ее пределами. Конечно, между русской державой и империей нельзя ставить знак равенства. Идет некий синтез национального государства и империи. Ни то, ни другое в чистом виде в России невозможно. Но тем не менее, каким бы ни был этот

⁴ Некоторые исследователи, впрочем, выражают сомнения относительно перспектив создания в России национального государства в принципе (например, Олег Григорьев).

процесс формирования квазинации, новой русской нации, он идет, и в нем можно выделить некоторые параметры.

Как показывают результаты исследований, в современной России происходит довольно быстрый рост общегражданской идентичности. Гражданами России предпочитают называть себя 55,6% россиян, представителями своей национальности – 38,1%, в том числе русскими – 34,2%; представителями других национальностей – 3,9%. Русская идентичность не только не растет, а, напротив, в некоторой степени уступает свое место общегражданской российской идентичности, которая продолжает усиливаться по мере укрепления российской государственности и ее престижа при нынешних властях. Это, безусловно, позитивная тенденция, хотя и не столь быстрая. В ней не следует, наверное, искать какого-то глубинного социально-философского смысла. Это результат скорее привычки. К тому же подрастает молодое поколение, которое уже социализировалось в рамках границ нынешнего российского государства. С другой стороны, эта тенденция стала и результатом исправления государственного имиджа.

Таблица 2. Как бы вы ответили на вопрос о том, кем лично вы ощущаете себя, если бы вас спросили об этом в одной из столиц стран СНГ? (%)

	2008 (ИС РАН)	2005 (ВЦИОМ)	2004 (ИКСИ РАН)	1998 (ИКСИ РАН)
Гражданином России	55,6	44,3	40,0	35,9
Русским	34,2	41,3	46,8	47,1
Представителем другой национальности (украинец, татарин и т. д.)	3,9	3,9	2,9	7,6
Гражданином СССР	2,3	5,3	5,3	5,5
Гражданином своей республики (Башкортостан, Коми и т. д.)	1,9	1,4	1,1	0,3
Как-то иначе	0,4	1,9	2,6	2,0
Затруднились ответить	1,7	2,3	1,2	1,5

Согласно данным опроса ВЦИОМ, в январе 2009 г. при ответе на вопрос «кто я такой?» 58,2% россиян выбрали вариант «гражданин России», 16,1% – «житель своего региона, города, села» (сибиряк, москвич и так далее), 19,8% указали на свою национальность (русский, украинец и т. д.), 9,5% назвали себя «советским человеком», 6,0% указали на свой род занятий (учитель, дворник, маляр), 1,9% охарактеризовали себя через принадлежность к религиозной конфессии (православный, мусульманин), 1,8% назвали себя «гражданином мира», 1,3% – «европейцами». Вопреки цитируемому выше В. Соловью с его бунтом этничности, можно, хотя и со множеством оговорок, говорить скорее о торжестве общегражданской идентичности. С другой стороны, сохраняется и достаточно радикальная группа общества, состоящая из националистически настроенных русских граждан,

руководствующихся принципом – «Россия должна быть государством исключительно русских людей». За последние семь лет доля сторонников этого лозунга не увеличилась, оставаясь на уровне 10–11%. Причем, учитывая всплеск радикального русского национализма в период с 2001-го по 2004 г., когда доля радикальных русистов доходила до 17,1% (2004 г.), можно сделать вывод, что в настоящее время ситуация в значительной степени стабилизировалась.

Иное дело – нерадикальные формы массового сознания, в наилучшей степени отражаемые лозунгом «Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны». Доля сторонников этой идеи выросла с 19,9% в 1998 г. до 29,5% в нынешнем. Почти в равной степени сократилась доля интернационалистов, которые считают, что «Россия – общий дом многих народов, оказывающих друг на друга влияние. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ». В 1998 г. интернационалисты составляли 64,1% россиян, а ныне – всего лишь 50,8%. С другой стороны, имеются данные о том, что среди 10–11%, согласных с лозунгом «Россия для русских», несколько растет доля наиболее радикально настроенных граждан, особенно молодого возраста.

Таблица 3. Каково ваше отношение к многонациональному характеру Российского государства? (%)

	1998	2001	2004	2008
Россия должна быть государством русских людей	10,7	12,0	17,1	10,9
Россия – многонациональная страна, но русские составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны	19,9	20,0	23,6	29,5
Россия – общий дом многих народов, оказывающих друг на друга свое влияние. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ	64,1	60,8	53,6	50,8
Затруднились ответить	5,3	7,8	5,6	8,8

Источник: Мониторинг ИКСИ РАН – ИС РАН.

Что касается вопроса об отношении к идее «Россия для русских», то в ходе последнего исследования ИС РАН (август 2008 г.) были получены следующие результаты. 12,8% считают, что эту идею давно пора осуществить; 30,7% готовы ее поддержать при условии, что под русскими будут понимать всех граждан России; 23,6% считают, что ее неплохо было бы осуществить, но в разумных пределах; 25,4% опрошенных относятся к ней сугубо отрицательно.

При всей значимости существующих тенденций роста радикального русского национализма в отдельных группах общества никак нельзя согласиться с данными опроса, проведенного социологами «Левада-центра», согласно которым лозунг

«Россия для русских» пользуется поддержкой 58% опрошенных россиян, из них большинство – молодежь. Между тем, по данным ВЦИОМ, в тревожный 2004 г. самый высокий уровень поддержки лозунга «Россия для русских» наблюдался лишь среди сторонников ЛДПР (28,6%). Что же касается молодежи, то в младшей возрастной группе опрошенных (до 24 лет) поддержка этого лозунга в то время составляла 20,7%, что действительно несколько выше, чем в среднем по другим возрастным группам, но на порядок ниже доли, приводимой «Левада-центром» (www.levada.ru). Эти результаты отражают ведущее противоречие современного массового сознания. С одной стороны, можно утверждать, что старый имперский национализм, включающий в себя «советский империализм», сочетающий ценности империи и интернациональное отношение к представителям разных народов («Россия – общий дом»), сохраняется, хотя и в сильно трансформированном виде. С другой стороны, приходит новый русский национализм, антиимперский, но отнюдь не интернационалистический, причем носителями этого нового феномена русскости выступают уже не дезадаптанты, носители традиционной советской ментальности, а современные молодые «волки», социализировавшиеся уже в постсоветские времена.

Одновременно и сам термин «русский национализм» остается скорее уделом маргиналов от политики. Да и у российского обывателя неприязнь к «черным» в основном ограничивается кухонными разговорами. Слишком уж велик страх перед возможными актами насилия на национальной почве. И мы отчетливо видим, насколько доля тех, кто симпатизирует русским патриотам, выше (в разы) доли тех, кто прямо готов назвать себя русскими националистами. Сторонниками русского национализма готовы назвать себя 5,9% опрошенных (среди сторонников ЛДПР – 9,5%; у молодежи до 24 лет – 9,1%), еще 24,5% склоняются к более умеренной формулировке – они в чем-то поддерживают идеи русского национализма, в чем-то – нет. 44,9% опрошенных выразили полное неприятие идей русского национализма. Кстати, число сторонников русского национализма резко падает при переходе от младшей возрастной группы к следующей – от 25 до 30 лет, где эта доля ниже 3% (ВЦИОМ май-июнь 2008 г.).

Безусловно негативное отношение демонстрирует общество и к пресловутым скинхедам. 60,0% населения относятся к ним резко негативно. При этом симпатизируют им лишь 4,6%. Несмотря на то что в самой младшей из опрошенных групп (до 20 лет) эта поддержка вдвое выше (8,2%), говорить о каких-то массовых настроениях в пользу этой группировки пока не приходится. Да и реально сталкиваться с радикальными русскими националистами мало кому доводилось. Лишь 5,7% опрошенных имеют знакомых, которых можно отнести к числу радикальных националистов или даже фашистов. Среди младшей возрастной группы эта доля примерно вдвое выше (11,5%). Это скорее подтверждает мнение, что сам фактор молодежного национализма – это не столько поколенческая тенденция, сколько проявление специфики молодежной субкультуры в период ее активной социализации. Дело в том, что старшее поколение вообще остается наиболее политизированным, а для малополитизированной молодежи национальная идея является одной из немногих живых и привлекательных идей.

Как же в этой связи охарактеризовать тот тип национализма, который определяется идеей «Россия должна быть государством русских»? Скорее всего, для

него характерно достаточно прагматичное отношение к национальному вопросу. По мнению некоторых специалистов в области национального самосознания, идея империи является слишком сложной, выходящей за рамки жизненного опыта, имеющего дело с достаточно простыми и архаизированными социальными отношениями. Государство только на словах, на парадном уровне, провозглашает ценность общности, на деле оно не в состоянии организовать общество, особенно на микроуровне. И национал-прагматизм выступает в качестве компенсационной квазиидеологии.

В последнее время наблюдается тенденция явного преувеличения фактора этничности русского большинства. Только у одних исследователей и публицистов «угроза русского фашизма» вызывает страх и параллели с гитлеровским третьим рейхом. Другие видят в росте русской этничности позитивный фактор, способствующий формированию русской нации на новых, неимперских началах. По мнению Э. Паина, «бурный рост этнической тревожности у русских тоже опровергает концепцию “вечной сущности” русской цивилизации, поскольку коренным образом противоречит тому, что можно назвать как русской, так и имперской традицией. Многочисленными исследованиями доказано, что русские в Советском Союзе отличались наивысшей толерантностью: в трудовой и бытовой сферах и даже в формировании семей (наивысший уровень готовности к межэтническим и межконфессиональным бракам). Эти процессы, плохо увязывающиеся с теорией органической сущности цивилизации, хорошо согласуются с современной “конструктивистской” теорией этничности, обосновывающей способность к быстрому перепрограммированию этнического самосознания как под воздействием обстоятельств жизни (социальной практики), так и под влиянием информационных технологий. Власть, безусловно, сегодня дрейфует в сторону имперского национализма, а на пороге уже стоит молодая смена – “голодные волчата”, обученные по учебникам Дугина, с дочиста промытыми мозгами, да еще и ксенофобы – не чета кондопогским. Почему бы им для начала не попытаться занять место в правительстве тех, с “нерусскими фамилиями”? А им помогут продажные журналисты, пусть и совсем с нерусскими фамилиями. Поддержат, пусть косвенно, теоретики особой цивилизации из числа свихнувшихся на постмодернизме или напуганных исламской угрозой, да просто из числа выпендривающейся интеллигенции. О гибких интеллектуалах и говорить не приходится – как фишка ляжет, так они и запоят. И снова можно констатировать, что и в своем дрейфе в сторону имперского национализма Россия совсем не похожа на “особую цивилизацию”: сплошное подражание Германии конца 1920-х годов» [Пайн 2007].

Ему вторят, хоть и с противоположным знаком, Валерий и Татьяна Соловьи: «Этнизация – это идущий в современной России интенсивный процесс изменения всего ценностно-культурного поля элитарного и массового сознания в направлении, когда мир начинает рассматриваться преимущественно сквозь этническую призму, а социальная действительность – конструироваться по этническим лекалам. В структуре русской идентичности все большее место занимает артикулированная этническая идентичность. Мы наблюдаем исторический сдвиг поистине грандиозных масштабов: ценность и идея Империи, русский мессианизм, составлявшие доминанту русского сознания и главный нерв национального бытия на

протяжении без малого четырехсот лет, сданы в архив. Русские перестали быть имперским народом – народом для других, закрыта героическая, славная и страшная глава нашего прошлого. И это несравненно более кардинальное изменение, чем политические и экономические пертурбации последних полутора десятков лет. Россия может быть только государством русского народа, или ее вообще не будет как государства. Надо понимать, что никакая оппозиция, никакие опальные олигархи, никакие русские националисты не делают для дестабилизации ситуации и разрушения доверия к власти столько, сколько она сама – своими действиями или бездействием. Социологические опросы и психологические зондажи из месяца в месяц указывают на драматическое ухудшение психической формы отечественного общества, на рост не просто тревожных ожиданий, но ожиданий крови, которая, по массовому ощущению, прольется в ближайшем будущем. В психологическом отношении русское общество находится фактически в предреволюционной фазе, на что, в частности, указывает резкий рост его агрессивности и взаимного озлобления» [Соловей В., Соловей Т. 2006]. Исследования ВЦИОМ и ИС РАН, проведенные с нашим участием, не позволяют говорить об угрозе русского фашизма как самой актуальной.

Другой важной проблемой является уровень формирования новой идентичности. Тенденции государственного полураспада, недостаточная историческая легитимность России в границах нынешней РФ, несформированность горизонтальных связей – все это толкает граждан на формирование идентичностей более локального уровня. Это может быть как группировка, сообщество, выступающее в качестве субъекта первичной социализации, так и регион. В конце 1990-х годов угроза распада России, связанная именно с формированием региональных идентичностей, стояла достаточно остро. Данные исследования 2006 г. показывают, что с тех пор ситуация не претерпела существенных, качественных изменений. Практически те же 8% готовы одобрить выход своего региона из состава РФ, 35,2% стали бы активно протестовать против подобного развития событий (в 1998 г. эта доля составляла 28,6%). И хотя на поверхности не видно реального потенциала сепаратизма, связанного с формированием общественного мнения, в отдельных регионах эта доля становится критической.

Главная проблема сегодня – это сепаратизм русских окраин, испытывающих чувство недостаточной идентичности в отношении российской государственности в целом. По данным опроса ВЦИОМ, проведенного летом 2007 г., среди населения Дальнего Востока русская идентичность существенно превышала российскую. Или же речь идет о принципиально ином социокультурном феномене, связанном отнюдь не с изменением этнокультурной матрицы русского этноса, а всего лишь с формированием локальных субкультур, активно самоорганизующихся в условиях неспособности государства и вообще большого социума обеспечить необходимый коммуникативный минимум и связанную с ним социальную мобильность, особенно для молодежи? Ясно то, что наметившаяся пока лишь в качестве тенденции этнизация является ответом общества на негативный результат процесса строительства государства-нации. Не сформировав эффективных общенациональных субъектов, подчинив практическую политику корпоративным интересам, государство само провоцирует всплеск этничности в качестве замещающей государ-

ственную квазиидеологию. По данным исследований ВЦИОМ, в ноябре 2007 г. «русская» идентичность все еще во многом определяется не столько этническими, сколько суперэтническими, цивилизационными критериями. При ответе на вопрос «кого бы вы могли назвать русскими?», лишь 15% опрошенных отметили, что «русский – это тот, кто русский по происхождению, по крови». Более популярными были такие ответы, как: «тот, кто вырос в России и воспитывался в традициях русской культуры» (39%), «тот, кто честно трудится во благо России» (23%).

На месте сегментов традиционного общества происходит формирование общества современной массовой культуры, глубоко оторванного от своих традиционных исторических корней. И поэтому ожидать, что средний класс станет некой ячейкой, вокруг которой может сложиться современная политическая нация, носитель идей новой русской цивилизации, несколько преждевременно. Для нового среднего класса ближе совсем другая идея нации и национального государства. Заключается она в том, что некоторые называют нацией-корпорацией, объединяющей граждан общими сугубо прагматическими интересами, но никак не корнями, духовностью, верой. Действительно, сегодня уже сформировалось ядро новой партии порядка, которое при благоприятных условиях может стать точкой роста для новой субъектности, возможно, даже для нового этногенеза. Социологи и политологи задаются вопросом, на каком ценностном фундаменте будет возводиться цивилизационное тело новой России. По их мнению, в России такой идеей может стать просвещенный консерватизм, либеральный патриотизм. Связанная с этой идеей неоконсервативная идеология «адресуется активному меньшинству и содержит рациональное и прагматичное обоснование модернизации и постмодернизации, мобилизующей силы для обновления общества» [Зарубина 2001, с. 129]. Вместе с тем неоконсервативная волна является продуктом модернизации. «В советский и постсоветский период в народном сознании произошел коренной сдвиг, проявившийся в отторжении большинством россиян традиционных представлений о самобытности России, противопоставляющих ее западной цивилизации» [Клямкин, Кутковец 2000].

Мы постоянно убеждаемся, что в нашем обществе существуют весьма значительные различия в описании базовых ценностей русского народа. В качестве таких базовых ценностей нашей цивилизации, на которые часто делают упор и философы, и простые граждане, выступают соборность, коллективизм, духовность, бескорыстие. Когда же по этим параметрам мы исследуем современную генерацию, выясняется, что эти ценности занимают место, прямо противоположное ожидаемому. Те, кто занимается сравнительными социологическими исследованиями России и стран Европы⁵, говорят, что более индивидуалистического общества, чем в современной России, в Европе просто не существует. Ценности «Святой Руси» присутствуют скорее в качестве тоски по идеалу, а в жизни мы наблюдаем во многом их противоположность.

Это же касается и очень многих иных характеристик современной русской нации. Как показывают специальные исследования, современные россияне очень бедны на сверхидеи. Проводя несколько лет назад большое исследование по базовым ценностям, пытаюсь выделить некие сверхценности, способные мобилизовать

⁵ В этой связи можно сослаться на исследования А. Демидова (ГФК «Русь»).

общество, мы выяснили, что современные россияне очень бедны этим подсознанием, подкоркой коллективного бессознательного, выражаясь языком К. Юнга [Базовые ценности современных россиян 2003]. Они очень прагматичны, ориентированы на практические формы жизненного успеха. И если такие поддерживающие мобилизацию ценности в нашем обществе все-таки есть, то они требуют каких-то особых изысков, недоступных для классической социологии. Мы остановились перед этим рубежом, и перейти от ценностей на уровень цивилизационных мотиваций нам так и не удалось.

Отсутствие прогресса на путях поиска особой русской духовности привело А. Ципко к мысли, что просто не там ищем. «Тем, кому действительно дорога судьба России и народа российского, пора увидеть правду и составить более честный и правдивый образ и самих себя, и своего народа. Конечно, все современные европейские нации выросли из мифов. Но все же с мифами, которые мешают жить и развиваться, необходимо расставаться. На мой взгляд, мы должны расстаться с мифами, которые оправдывают нашу нынешнюю российскую бедность, неустроенность нашего быта. Бедность действительно не порок. Но бедность не должна рассматриваться как добродетель. Патриотизм, живущий мифами об особом русском пути, об особом народе-нестяжателе, которому по природе чужда привязанность к земному, суетному, к частной собственности, деньгам, чужды заботы о прибыли, о радостях мира сего, не просто себя изжил. Этот миф опасен, ибо делает российскую нацию недееспособной, неконкурентоспособной» [Ципко 2007]. Он видит русский идеал в современном потребительском обществе, пусть и с русским гедонистическим уклоном. «Хватит пугать русского человека Западом, соблазнами быта, противопоставлять духовность и творчество сытости. В конце концов, все великие творения европейской культуры Нового времени были созданы европейским мещанином, привыкшим к сытой и устроенной жизни. Да и великую русскую культуру создавали не нищие! Хватит наводить напраслину на европейский буржуазный рационализм. Не может русский, российский человек столетиями жить по законам военного времени, надрывая себя на работе и живя на скудную пайку, и только во имя того, чтобы какой-нибудь литератор мог живописать в устроенном кабинете после сытного мясного завтрака очередной миф об особом русском аскетическом характере и особой русской судьбе. Ведь правда состоит в том, что российский народ в принципе не принял ни коллективизацию, ни общественное производство, ни мобилизационную экономику. Может быть, подлинная духовность «коренного русского человека» сегодня состоит в том, что он захотел жить в обществе неограниченного потребления, физической и нравственной сытости, комфорта, разнообразных развлечений и увеселений. Обильно поесть, мягко поспать, “со вкусом” развлечься, а перед сном помолиться на русские иконы, почитать что-то из Достоевского, послушать русский романс почувствительнее. И именно такое общество, обеспечивающее сочетание полного и абсолютного телесного и духовного удовлетворения, может быть сформулировано как национальная русская идея» [Там же].

Может быть, именно этот набор ценностей, столь вкусно описываемый А. Ципко, может стать ценностной основой новой партии среднего класса? Как прозвучало на обсуждении его статьи в редакции «Литературной газеты», «А. Ципко, разбирая причины видимого отсутствия русской идеи, приходит к парадоксаль-

ному и, может быть, не очень утешительному для русского самосознания выводу, что, собственно говоря, никакой русской идеи нет» [Круглый стол «Русская идея и русский миф» 2007]. Все, что раньше скопом записывали в русскую идею, есть не более чем русский миф, который к русской идее никакого прямого отношения не имеет. А если непредвзято, трезво посмотреть на то, что сегодня представляет наше русское самосознание, то окажется, что оно мало чем отличается от прочих. В нем нет никакого своеобразия, т. е. это нормальное потребительское общество, которое хочет хорошо потреблять, жить сыто, работать, особо не напрягаясь, жить в комфорте, процветать. Вот это буржуазное процветание, по мысли Ципко, является русской идеей того этноса, который мы наблюдаем сегодня. Этноса, который не хочет больше ничем жертвовать, не хочет идти ни на какие мобилизации, проповедовать бессребреничество, духовность и все те основные черты, которые мы традиционно заносим в счет русской идеи.

Так это или не так? С одной стороны, глядя на современное российское общество, мы действительно не видим или почти не видим никакого русского своеобразия, ни явного, ни скрытого. С другой стороны, мы видим, что на парадном уровне, на уровне того, что называется фасадом, образ русской идеи совершенно отличается от того, что можно назвать содержанием нереализованной русской идеи. На уровне этого русского фасада мы продолжаем считать, что русские – это особая нация, что русские – сторонники иного пути. Причем чем меньше мы отличаемся по сути от представителей других народов, чем больше мы становимся обществом массового потребления, тем больше укрепляется в массовом сознании точка зрения, что у русских свой особый путь. Русские очень хотят чем-то от кого-то отличаться и, испытывая кризис идентичности, начинают играть понятием «национализм», что совершенно оправданно и что имеет вполне объяснимую социокультурную природу. Поэтому, когда речь идет о русской идее и русском мифе, представляется, что это две реалии, которые существуют параллельно. Чем меньше у современного русского человека того исторического своеобразия, которое мы привыкли считать русской идеей, тем сильнее его потребность в русском мифе. И в этом есть своя закономерность, потому что унифицированный городской образ жизни не предполагает культурного своеобразия. Свообразие порождается традиционным обществом, в первую очередь тем многоукладным и поликультурным обществом, которое было характерно для исторической России, когда параллельно существовали миры крестьянства, дворянства, духовенства. Эти миры сложно взаимодействовали друг с другом, порождая целый комплекс русской идеи и русской духовности.

Сегодня, когда все это осталось в прошлом, у нас появился унифицированный образ жизни, который диктуется мегаполисом. Остатки традиционного уклада отмирают и находятся на периферии современного развития. Русский человек становится все более безликим, его захватывают глобалистические ценности общества массового потребления, массовой попсы, и чем больше он теряет своеобразие, тем больше на уровне компенсации пытается сохранить свою идентичность. Он все больше ощущает углубляющийся кризис идентичности и все больше нуждается в русском мифе, даже абсолютно ортогональном его реальному бытию, как в некой форме, некоем якоре, за который можно зацепиться и, даже пусть в качестве обертки, в качестве фасада сохранить на сегодняшний день свою идентичность.

Многое говорится про объединяющую роль православия, способную превратить наше общество в дееспособную нацию. Однако мы видим, что эта идея также носит «парадный» характер, несмотря на то что около 60% россиян называют себя православными. Однако представляется, что все это, по крайней мере в своей основной массе, не более чем компенсация за недостаточную национальную идентичность. За внешней, фасадной стороной возвращения страны к православию скрываются иные тенденции, зачастую противоположного свойства. По данным ВЦИОМ, большая часть тех, кто называет себя верующими, в первую очередь видят в православии возвращение к национальным традициям и истокам. Они видят в этом не потребность общения с Богом, не потребность личной веры и даже не потребность жить в соответствии с христианскими ценностями. Это парадная ценность национальной идентичности, которая действительно очень важна, потому что современное российское сознание испытывает крайний дефицит таких объединяющих начал. Это одна из немногих ценностей, способная объединить, хотя бы на парадном уровне, разные разорванные социальные сословия, социальные группы, регионы страны. Когда же церковь начинает вмешиваться в дела общества и претендовать на нечто большее, чем просто парадный символ российский культуры, то это вызывает общественное отторжение.

Так, в апреле 2008 г. 72% опрошенных россиян назвали себя приверженцами православной веры, и только 13% – неверующими людьми. Стремительный рост числа тех, кто называет себя православными, за последние 15–20 лет, казалось бы, позволяет говорить о своего рода православном ренессансе. Действительно, в последние десятилетия советской власти число тех, кто называл себя верующими, не превышало 10–11%. То есть налицо формальный рост религиозности общества в 6–7 раз. Причем если в советский период основная часть верующих состояла из лиц преклонного возраста, преимущественно женщин, а также большей частью из жителей малых городов и сел, то сегодня, напротив, доля православных по убеждениям и вере граждан в больших городах выше, чем в малых городах и селах, а доля верующих в средних возрастных группах (30–50 лет) несколько выше, чем в старших. Это означает, что произошло не просто расширение традиционной группы верующих, а к православию в той или иной его форме пришли совершенно новые социальные группы.

Ядром современного православия становится формирующийся городской средний класс. Для большинства россиян собственно церковная жизнь, соблюдение всех церковных обрядов, участие в жизни церковной общины – не самое главное, это скорее удел меньшинства (около 11%). Как показывают некоторые специальные исследования, посвященные проблемам современной религиозности в России, большая часть людей, называющих себя верующими, в обычной жизни, за пределами церкви, руководствуются в точности теми же мотивациями, что и неверующие. Декларируемая религиозность практически никак не сказывается ни на моральных установках, ни на трудовых и гражданских мотивациях. Религиозное сознание большей части россиян, даже относящих себя к верующим православным, достаточно эклектично. Вера в Бога, зачастую скорее декларируемая, уживается с верой в приметы (по данным ВЦИОМ, 17,7% в октябре 2007 г.), в сверхъестественные силы (14,7%), в судьбу (35,0%). Около 8% россиян верят в гороскопы,

около 6% – в колдовство, 4,6% – в НЛО, инопланетян. При этом в загробную жизнь («тот свет»), необходимый элемент христианской веры, верят лишь 6,9%. В воздаяние за грехи при жизни верят 38,3%.

Нынешнее религиозное сознание обращено явно к «этой» стороне жизни, где вера в Бога и приметы – это скорее способ уберечь себя от прижизненных неприятностей, чем опасения посмертного возмездия. Иконка и православный крестик стали своего рода амулетами. И Бог, в которого якобы верят 57,6% опрошенных россиян, готовый карать ослушников или вознаграждать праведников еще при жизни, во многом наделен чертами древнего божества, а отнюдь не Христа. Если идея всесильного карающего божества еще понятна современному массовому религиозному сознанию, то идея Христа с его заповедью любви к ближнему кажется слишком сложной и противоречащей повседневному жизненному опыту рядового православного россиянина. Переживаемый россиянами православный ренессанс – явно неоднозначное явление, имеющее корни не только и не столько в собственно православной традиции, сколько в реанимации гораздо более древнего пласта народных верований и суеверий, успешно переваренных современной массовой культурой. Как и постреволюционная ломка первой половины XX в., перемены, произошедшие в конце того же века, привели к очередному витку архаизации и примитивизации массового религиозного сознания, к своего рода религиозному китчу (религии для массового пользования – наряду с кока-колой и концертами шоу-звезд).

Это касается и других российских культурных ценностей. Представляется, что разрыв между традиционной российской культурой, российской ментальностью и современным российским сознанием, несмотря на наличие определенного консервативного поворота, скорее усиливается, чем сглаживается. Главным обстоятельством, препятствующим строительству нации в современной России, является отсутствие или недостаточность мотивации для исторического цивилизационного творчества, в частности, предполагающей идентичность с глобальной общностью (этнос, суперэтнос) и мобилизационный компонент (жертва текущими интересами ради стратегических). Наблюдается этническая усталость, потеря энергетики, а на политической практике – неспособность ни выдвинуть адекватных политических лидеров, ни консолидироваться вокруг значимых общественных целей. Как отмечает культуролог И.Г. Яковенко, «исследования последнего десятилетия фиксируют атомизированный характер российского общества и практическое отсутствие горизонтальных связей, формируемых по моделям общества гражданского. Постсоветский человек не просто лишен навыков и моделей их формирования, но ориентирован на альтернативные варианты. Он решает свои проблемы в системе теневых, коррупционных, клиентальных отношений. Теневой рынок трактуется специалистами как деятельная альтернатива идеальным моделям правовой демократии и гражданского общества» [Яковенко 2001]. Современное российское общество напоминает рассыпающийся песок, из которого не удастся создать устойчивые социальные конструкции.

Крайне важным является анализ не только идеологических, но и эстетических пристрастий новорусского неоконсерватора. Эта проблема стала предметом обсуждения на круглом столе во ВЦИОМ осенью 2006 г. [Базовые ценности и эстетические пристрастия современных россиян 2006]. По мнению его участников, «если

мы хотим понять, что представляет собой новорусская генерация, надо посмотреть, какие они строят дачи. Тем более что сейчас есть возможность проявлять свой вкус, пристрастия, эстетику в зависимости от толщины кошелька. Что хотят, то и строят. Что стоит за классическим стилем, за русским модерном? Очень интересен, например, переход от классицизма к модерну в конце XIX в., который стал следствием существенных перемен в традиционной ментальности и как бы “предрек” последующие потрясения. Не менее важный вопрос – как теперь социологически проинтерпретировать переход от постмодерна к неоклассицизму? В качестве рабочей гипотезы можно утверждать, что наблюдается ренессанс неоклассицизма. Это ренессанс такого сталинского неоклассицизма в области эстетических пристрастий. Это переход к чему-то простому, понятному, потому что люди устали от экзистенциальной сложности. Поколение 1970–1980-х годов в период застоя увлекалось экзистенциальными взглядами на сложного человека со сложным внутренним миром. Кафка, Достоевский и так далее. Потом возникла эпоха всеобщего осмеивания, пародирования мировой культуры. Сейчас, после эпохи постмодернизма, люди потянулись к чему-то простому и примитивному, как это было в 1940–1950-е годы, после войны, когда стиль классицизма был не только навязан сверху, но в какой-то степени шел от общества, людей, уставших от потрясений, желающих простых сюжетов с простым, счастливым концом. Искусство – как некоторая форма сказки. Кажется, что определенный подобный запрос существует».

Сказанное заставляет предположить, что общий вектор динамики массового сознания в России направлен в сторону национального государства, основанного все же на принципах общегражданской, а не этнической идентичности, государства, которое могло бы быть охарактеризовано как нация-корпорация. Однако для достижения результатов на этом пути необходимо то, чего пока не может дать обществу нынешний слишком рациональный политический режим, – некая социальная закваска, которая бы придала движению в сторону национального государства большую определенность. В чем может состоять такая закваска – на этот вопрос пока нет ответа ни у социологов, ни у политиков.

Кризис и перспективы неоконсервативной стабильности

Разразившийся во второй половине 2008 г. экономический кризис стал лучшей проверкой возможных ответов на вопрос о том, чем является неоконсервативная волна общества – фазой цикла или же стабильным состоянием. Казалось бы, согласно логике развития политических процессов, кризис должен был ускорить формирование системы новых политических институтов, изменить сложившийся в условиях стабильности политический ландшафт и состояние массового сознания. Однако в какую сторону? Начнется ли в стране новый цикл либерализации, «политическая оттепель» или же, напротив, установится долгожданный неоконсервативным большинством населения «твердый порядок»? До сих пор у значительной части российской политической и деловой элиты кризис порождает надежды на модернизацию политической системы страны, на переоценку ценностей и корректировку курса. Вопрос лишь в форме, в которой это может произойти. Для радикальной части российской интеллигенции кризис – это

шанс на моральный реванш по отношению к власти, узурпировавшей демократические завоевания 1990-х годов.

Ошибки в экономической политике правительства Путина, считает первый постсоветский мэр российской столицы Г. Попов, приведут к углублению кризиса, который неизбежно станет политическим: «За происходящее ответственна вся система государственной власти. И на выборах, я уверен, правящая партия потерпит сокрушительное поражение – такое же, какое потерпела на первых же нормальных выборах КПСС» [Соколов 2009]. Как отмечает более дипломатичный А. Аузан, «мы сейчас будем проходить стадию очень серьезного ценностного поиска, чтобы понять, ради чего мы спасаемся, как мы хотим распределить издержки кризиса, на что готова идти власть и на какие жертвы готовы идти разные группы населения. Кризис, конечно, создает импульсы в сторону модернизации» [Качкаева 2008].

С другой стороны, кризис объективно требует национального сплочения, приоритета общенациональных целей, и это не может не усиливать авторитарных черт политической системы, то есть тенденций, прямо противоположных политической «оттепели». «Укрепляются позиции президента и председателя правительства. В условиях кризиса идет переориентация элит. Число сторонников национального курса растет. Число сторонников подстройки под мировую экономическую систему и узкой специализации страны сокращается, их силы уменьшаются» [Онлайн-интервью 2008]. Однако в какую сторону в итоге повернется общественное недовольство, не слишком понятно, тем более что ориентации элит на либерализацию политического режима далеко не всегда разделяются массовым сознанием, в котором, как обычно, остаются сильны государственнические и патерналистские настроения.

Действительно, кризис институтов, способных аккумулировать общественное недовольство и общественную активность, является во многом результатом как состояния общества, так и политики предшествующего десятилетия, когда сознательно выхолащивалось содержание практически всех институтов, политических и общественных, призванных представлять общество и его интересы, а содержание их деятельности во многом становилось имитационным. По мнению Е. Гонтмахера, в стране сложилась «имитационная политическая система, которая не дает возможности говорить оппонентам и не хочет выслушивать иные точки зрения, она настроена на единогласие, на единомыслие, “единороссие”» [Самарина 2009]. Отсутствие соответствующих каналов и институтов, с одной стороны, упрощает задачу по предотвращению угрозы политической дестабилизации, с другой – усложняет, так как эта угроза может принять необычные формы, плохо поддающиеся контролю и предупреждению (например, региональный и национальный сепаратизм, особенно в его скрытых, латентных формах).

Как скажется кризис на эволюции массового сознания и политической системы, и скажется ли вообще, говорить, конечно, преждевременно. Сколько-нибудь осознанной потребности в демократизации политической жизни у большей части общества нет, и неизвестно, когда она появится. Неясны и возможные субъекты такой демократизации. Даже если власть и проявит намерения организовать диалог с обществом, вести этот диалог, по сути, будет не с кем. «Но если запускать диалог как способ выработки и принятия решений, то с кем его вести?» – задается вопро-

сом Е. Гонтмахер. «...Имитационность, зачистка общественно-политического поля дошла до крайности. Иногда говорят о существовании неких элит – федеральных, региональных. Но по факту они ничего не решают. Но есть действительно самостоятельный слой, который появился за последние 20 лет, – это средний и малый бизнес, который вырос на собственной основе, несмотря ни на что. Это люди, которые реально сами себя сделали, не пользуясь какими-то преференциями у чиновников, чтобы оторвать кусок госсобственности. Это слой, которому есть что терять, по которому с наибольшей силой бьет коррупция. У них, в отличие от крупного бизнеса, нет административного ресурса, чтобы решать свои проблемы» [Гонтмахер 2009]. Именно этот не очень многочисленный, но занимающий ключевые позиции в социальной структуре общества слой мог бы стать заказчиком политических перемен. Однако для массового запроса на политические перемены требуется определенный градус протестных настроений, что во многом противоречит общему посылу неоконсервативной волны. Да и является ли малый и средний бизнес носителем либеральной парадигмы? Если он в чем-то и заинтересован, то в институциональной реформе, ограничении всевластия бюрократии, улучшении работы судебной системы. То есть в первую очередь в завершении установления в стране неоконсервативного порядка, а не в либеральном расшатывании самой государственности.

К тому же пока нет оснований говорить о значительном росте протестного потенциала в обществе. По данным ФОМ за июнь 2009 г., в принципе допускают для себя возможность участвовать в каких-либо протестных акциях 25% опрошенных, а примерно 70% – исключают. Согласно результатам исследования, проведенного ИС РАН в феврале 2009 г.⁶, среди тех, кто безусловно готов к участию в массовых протестах, по-прежнему преобладают представители старших возрастных групп, особенно группы от 61 до 65 лет, в которых соответствующая доля достигает величины в 16–17%. Что же касается молодежи и средних возрастов, то уровень протестной активности там находится в интервале от 3 до 5%, что ничуть не выше, чем в докризисный период. Все это говорит о том, что пока активные слои общества не подключаются к уличной протестной активности. Как и все минувшее десятилетие, она остается преимущественно уделом «молодых пенсионеров», у которых появилось свободное время и сохранились силы. Это связано не только с тем, что положение пенсионеров хуже, хотя в значительной степени это именно так, но и с тем обстоятельством, что более молодые россияне не видят особого смысла в протестах подобного рода и не верят, что с их помощью можно чего-либо добиться. Протестная активность лежит за пределами жизненного опыта и политической культуры представителей неоконсервативной генерации.

Как показало исследование ВЦИОМ, за первые месяцы кризиса не произошло и сколько-нибудь значимого сдвига в общих идейных ориентациях россиян [Бызов 2009]. Левые по своим взглядам россияне, отдающие приоритет социалистическим идеям, социальной справедливости, равенству, защите интересов людей труда, составили в феврале 18% (в ноябре, при первых симптомах кризиса, эта цифра поднялась почти на 24%); правые, отдающие приоритет либеральным идеям, экономической свободе, правам человека, политической демократии, сбли-

⁶ Исследование проведено ИС РАН по заказу Фонда Эберта, рук. М.К. Горшков.

жению с Западом, – 13% (в ноябре – 14%). Самую большую поддержку получили патриоты, отдающие приоритет традиционным русским ценностям, независимости и самостоятельности России, укреплению ее, как сильной державы (31%; в ноябре – 33%). При этом следует отметить, что социальные взгляды большей части патриотов ближе к «левой» стороне, чем к «правой». Остальные (40% россиян) не смогли сориентироваться с выбором наиболее близкого для себя идеологического направления. Левые взгляды в несколько большей степени характерны для старшего поколения россиян, перешагнувших 60-летний рубеж (24% из них левые, тогда как среди молодежи до 35 лет эта цифра составляет 14%). Либеральная, правая, идеология, напротив, в большей степени привлекает молодежь (17% в возрасте до 35 лет – либералы, при этом в группе 60-летних только 8% либералов). Патриоты же практически равномерно распределены по всем возрастным группам. Подобная картина идейно-политических симпатий сложилась еще в конце 1990-х годов, и с тех пор колеблется в очень узких пределах, невзирая на кризисы и выборы. При этом у всех умеренных – и левых, и правых, и патриотов – есть больше того, что объединяет, чем разделяет. И это общее объединяющее начало оказывается достаточным для того, чтобы образовать мощную коалицию в самом центре политического спектра, вытеснив крайности на его периферию.

И в этой ситуации оказываются не столь уж важными достоинства и недостатки той же «Единой России» (или любой другой партии, которая могла бы возникнуть на ее месте), представляющей интересы коалиции центра, да, собственно, и высших руководителей государства. И как результат, даже в условиях кризиса, когда возникает немало сомнений в правильности тех или иных решений властей, когда возрастают все социальные риски, никто из радикалов, оставшихся за пределами коалиции центра, дополнительных очков, по крайней мере пока, не набирает.

Социальная, идейная и политическая стабильность во многом обусловлена общим социальным контекстом развития страны, формированием новой социальной структуры общества. Это позволяет предположить, что у концентрации электората вокруг партии власти были и во многом остаются свои безусловные объективные предпосылки. При этом главной опорой путинской политической стабильности стали срединные слои общества, включающие в себя не только и не столько собственно средний класс, но и значительно более многочисленные группы общества, подпирающие этот средний класс снизу. По своим ценностям и жизненным стратегиям эти группы мало отличались от среднего класса, к тому же достаточно высокая вертикальная мобильность на нижнем рубеже среднего класса делала проницаемыми социальные переходы, вселяла надежду значительной части россиян постепенно приобщиться к тем благам и потребительским стандартам, которые уже освоил средний класс. По данным ВЦИОМ за самый благополучный в новейшей истории 2008 г. видно, что 83% россиян совокупно относили себя либо к среднему слою (45%), либо к слою ниже среднего (37%). 12% россиян относили себя к низшему слою. Таким образом, несмотря на существование огромного разрыва между богатыми и бедными, численность как тех, так и других все же достаточно невелика, даже с учетом поправки на специфику массовых исследований, для которых самые высшие этажи общества являются практически недоступными. Все эти тенденции и предопределили наблюдаемое сегодня «сбивание общества

в кучу», когда доходы более половины россиян различаются несущественно и не являются уже столь нищенскими, как в 1990-е годы.

Анализ процессов политического самоопределения слоев российского общества позволяет сделать важный вывод о том, что в условиях социальной и политической стабильности тот самый многочисленный слой, который лежит ниже среднего класса, но не является бедным, во многом политически отождествляет свои интересы со средним классом. Он голосует солидарно скорее со средним классом, чем с беднотой, и именно это обстоятельство и является самым главным фактором, поддерживающим стабильность в стране. В этих условиях недовольство бедных и малоимущих своим социальным положением не влияет на общую политическую обстановку в стране. Пока власть не поссорилась всерьез с созданным ею же новым срединным сословием, никакая протестная активность ей всерьез угрожать не будет. Неоконсерватизм как социокультурное явление опирается именно на эту смычку среднего класса и срединных групп общества.

Какие коррективы внес кризис в эту стабильную, сцементированную социальную конструкцию? Пока что имеющиеся данные не способны отразить какие-то явные тенденции. Если ситуация с низшими, наиболее бедными слоями общества более или менее очевидна, то кризисная картина в самом ядре срединного слоя носит противоречивый характер. Согласно данным февральского исследования ВЦИОМ, менее 20% представителей срединных слоев общества и чуть более 10% представителей высших слоев и среднего класса зафиксировали явное ухудшение своего материального положения за первые месяцы кризиса. В низших, наиболее бедных слоях эта доля составляет 33% в первую очередь из-за роста цен на потребительскую корзину и роста тарифов на услуги.

Несколько более тревожные данные получены ФОМ в марте-апреле 2008 г.⁷ Согласно этим данным, за последние 2–3 месяца материальное положение ухудшилось у 54% россиян, улучшилось – у 4%. Больше всех пострадали безработные (ухудшение фиксируют 65% опрошенных), представители старших трудоспособных возрастов до 60 лет (58%), низкодоходных групп (67%), жители малых городов (53%). Меньше всех пострадали россияне с высоким (34%) уровнем достатка и те, чей достаток выше среднего (38%). Это означает, что первая фаза кризиса ударила преимущественно по неимущим слоям населения, которые и безо всякого кризиса перебивались с хлеба на квас.

По данным ИС РАН, к концу зимы кризис мало сказался на самоидентификации россиян в рамках сложившейся социальной структуры. Те, кто до кризиса относил себя к среднему классу, продолжали относить себя к нему и во время первой фазы кризиса. Это означает, что подавляющее большинство даже тех, кого кризис затронул, воспринимают его скорее как временное явление, которое следует переждать, пересидеть. Кризис для них не является поводом для переосмысления своего положения в обществе и радикального изменения своих жизненных стратегий и потребительских ориентиров. Пока этого не произойдет, т. е. до тех пор пока последствия кризиса не приобретут необратимого характера, можно предположить, что социальному спокойствию в обществе всерьез ничего угрожать не будет, а по-

⁷ Данные опубликованы на сайте ФОМ в январе 2009 г.

литическая коалиция центра, представляющая интересы «ядерных» групп общества, будет пользоваться общественной поддержкой.

Средний класс как огня боится любых признаков дестабилизации. По мнению Г. Павловского, «кризис раздул эти опасения и заставил вспомнить о власти как подателе всех благ. Буря несет с собой вовсе не надежду на демократизацию, как мнят новые буревестники. Кризис заставит их сильнее прильнуть к благодетелю. Запрос на порядок, вполне уживающийся с пожеланиями демократизации, обернется требованием «твердой руки», возвращающей средний класс назад, в эпоху путинского благоденствия. Возможна и диктатура – если с кризисом не справятся и начнутся массовые репрессии. Большинство разорившихся предпринимателей станут угрозой демократии, и лишь единицы – ее надеждой». Эту точку зрения подтверждают и исследования ИС РАН, согласно данным которых, стремление к переменам в нынешней России характерно не только для наиболее молодых групп общества, но и одновременно для наименее материально состоятельных, малообеспеченных [Проект «Угрозы и страхи современных россиян» 2008]. Если в группе с самыми высокими доходами соотношение «перемены – стабильность» составляет 31% против 62, то в группе наименее материально обеспеченных россиян – 42 против 47%. Это говорит о том, что сегодня основная часть активного населения – средний класс в возрасте от 30 до 50 лет – продолжает опасаться перемен и новых реформ, предпочитая синицу в руках.

Все эти факторы не предвещают существенной переконфигурации политической системы России в равной степени, как и существенной трансформации общественного запроса. Альтернативы сегодняшнему состоянию общества и политической системы нет по весьма серьезным причинам. С одной стороны, само общество, погруженное в политическую спячку, не готово к какой-то альтернативе идеологии массового потребления, плоды которой оно только-только начало вкушать. С другой стороны, отсутствуют институты, способные преодолеть инерцию нынешнего состояния страны, даже независимо от воли высших государственных лиц, не говоря уже о настроениях граждан. А значит, даже проходя через некоторые неизбежные трансформации, общая конфигурация социально-политического порядка в России сохранится еще долго. Неоконсервативная волна еще себя не исчерпала.

Литература

- Базовые ценности и эстетические пристрастия современных россиян. Материалы круглого стола // Мониторинг общественного мнения. 2006. № 4.
- Базовые ценности россиян. Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалиева. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002.
- Базовые ценности современных россиян. М.: Интеллект, 2003.
- Боков М.Б. Нужен ли России царь? // Мониторинг общественного мнения. 2006. № 2.
- Бызов Л. Социокультурная трансформация российского общества и перспективы формирования неоконсервативной субъектности (по результатам исследовательского проекта «Томская инициатива») // Мир России. 2002. № 2.
- Бызов Л. Идейные ориентации россиян остаются стабильными и в условиях кризиса // Сайт ВЦИОМ. Февраль 2009.

- Выступление митрополита Кирилла на VI Всемирном русском народном соборе. 2007 г.
- Гонтмахер Е. Обманчивое благополучие // Газета.Ru. 26.02.2009.
- Зарубина Н.Н. Хозяйственная культура постсоветской России // Обновление России: трудный поиск решений. Вып. 9. М.: РНИСиНП, 2001.
- Зудин А.Ю. ЦПТ подводит итоги года: партии и общественное мнение в «системе Путина» // ПОЛИТКОМ.RU. 17.12.2004.
- Качкаева А. Модернизация и кризис: что ждет российскую экономику и политическую систему. Интервью с А. Аузаном // Радио Свобода. 24.11.2008.
- Клямкин И., Кутковец Т. Русская самобытность. М.: Институт социологического анализа, 2000.
- Круглый стол «Русская идея и русский миф» // Литературная газета. Май 2007.
- Латин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. 2000. № 3.
- Латин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России: Аналитический доклад. Мир России. 2003. № 4.
- Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М: Московская школа политических исследований, 2000.
- Львов С. Эпоха Путина: стабилизация и восстановление / От Ельцина до Путина: три эпохи в историческом сознании россиян / под ред. В. Федорова. Глава 2. М.: ВЦИОМ, 2007.
- Неменский О. Русское будущее: в защиту этнонационализма // Агентство Политических Новостей. 18.06.2007.
- Онлайн-интервью с председателем комитета Госдумы РФ по экономической политике и предпринимательству Евгением Федоровым // Газета.Ru. 11.11.2008.
- Паин Э. Устойчивое развитие России может гарантировать только ее народ, овладевший государством и превративший его в орудие реализации общественных интересов: Сайт ФОМ-клуба, 2007.
- Петухов В. Динамика мировоззренческих и идеологических установок россиян // Мониторинг общественного мнения. 2008. № 1.
- Проект «Угрозы и страхи современных россиян». ИС РАН, ноябрь 2008.
- Самарина А. Дожить до расцвета. Сохранность рейтинга тандема становится сверхзадачей власти // Независимая газета. 07.04.2009.
- Соколов М. Освободиться от правительства! // Радио Свобода. 10.02.2009.
- Соловей В.Д. Регрессивный синдром // Политический класс. 2005а. № 2.
- Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 2005б.
- Соловей В., Соловей Т. Апология русского национализма // Политический класс. 2006. № 23.
- Фурман Д. Импровизаторы у власти // Независимая газета. 25.06.2008.
- Ципко А. Русская идея или русский миф? // Литературная газета. 2007. 28 февраля – 6 марта. № 8.
- Яковенко И.Г. Государство: дополнительность социокультурного анализа // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-центр, 2001.
- Яковенко И.Г., Ахиезер А.С. Что же такое общество? // Общественные науки и современность. 1997. № 3.